

ЛАБЫТНАНГИ

БЕЛЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2016

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Л12

ISBN 978-5-4462-0082-5

ПЛАСТМАССОВЫЙ МЕЧ

Мои герои — не орлы скалистых гор:
обыкновенные и маленькие люди,
и робких чувств свои банальные прелюдья
они на блюде преподносят для Линор.

Пусть больше нет её! В своих безумных снах
они отчаянно сражаются с судьбою
и превращаются в неистовых героев,
храня единственное имя на губах.

Как их романтика нелепа и смешна!
Их меч пластмассовый лишить не может жизни,
той, что не стоит, безусловно, ни гроша!

И я — их выдумавший всех — не старшина,
что издевается над ними с укоризной,
я сам — резиновая слабая душа.

НЕ УМЕЮ ЛЮБИТЬ!

О. Ш.

Я не молчал.
Просто я
тысячу раз про себя
имя твоё повторял.

Я не смотрел.
Зачем?
Я навечно запомнил
линию тонкой твоей руки.

Я был жесток — это есть.
Но жестокость ничто
перед нежностью
мягкой щеки.

Я не умею любить
(может быть, так как все),
но, когда ты уйдешь,
моё сердце солдата
умрёт от тоски.

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ?

Что нужно сделать, чтоб достучаться?
Вскрыть тихо вены?
В петле болтаться?
На амбразуру ложиться грудью?
Снаряд последний забить в орудье?
Перенапрячься?
Перенагреться?
Серпом по яйцам?
Ножом по сердцу?
На гильотине петь Марсельезу?
Тортиллой в тину?
Ракетой в бездну?
Тротила мало и аммонала —
уран — покруче —
чтобы забрало!
Чтобы задело
вегетарьянца
порывом нервным протуберанца!
Чтобы под поезд —
как в ЗАГС —
с цветами!
Чтоб в мавзолеях греметь гробами!
И не бояться огня оваций!
Что нужно сделать, чтоб достучаться?

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

К. Б.

Цветите, барышня, мечтою розовой
под шёпот ласковый и шелест денежный
у моря тёплого под веткой пальмовой,
а не под ёлкою, хрустя бананами
неаппетитными, совсем несвежими!

Целуйтесь, барышня, с весёлым мальчиком,
таким проказливым и обольстительным,
и к вам несказанно предупредительным,
чтоб вам с наказаниями грозили пальчиком,
предосудительно кипя, родители!

Царите, барышня, в цветах и юности,
в успехах, вьющихся над вашей личностью,
в ошибках путаясь со страшной глупостью!
Всё — ваше, барышня! До беспределности!
И — кратковременно до неприличия!

ЭЛЬВИРА

Е. М.

Дорогая Эльвира! Вы ушли с генералом.
А могли бы с банкиром, если б он захотел.
Генералов — навалом! И банкиров — немало!
И в мундирах министров всяких пакостных дел.

Дорогая Эльвира! Вспоминая Шекспира,
курит нервная лира, беспокоя Минздрав.
У поэта нет денег на расцвеченный веник
из безумно волшебных экзотических трав.

Дорогая Эльвира! У поэта квартира
чуть побольше сортира, без особенных благ.
Игнорируя телик, педалирует велик
и спешит по пунктиру: виски, ром и коньяк.

Дорогая Эльвира! Видно, непоправимо,
вы ушли с командиром, бросив в грязь алый флаг.
Я бы отдал полмира, дорогая Эльвира,
но рыдаю в чернилах, как Борис Пастернак!

НА ОГОНЁК

Е. Л.

Я залетел сюда — как мотылёк на огонёк,
хотя далёк от мотылька мой тёмный образ, —
здесь привлекательная пара женских ног
остановиться заставляет, словно тормоз.

Поэтому я пристально влезаю вам в глаза
и несусветной чушью развлекать пытаюсь.
Скрывая, разумеется, что мог бы я сказать,
ведь вряд ли я смогу вносить в арт-хаус хаос.

Что вас влечёт по волнам жизни? Кто бы это знал!
Так вдаль куда-то плыть Колумба звал причал.
Я полагаю, что не всё у вас так гладко.

Кругом так много небезгрешных рыбок-прилипал!
Но я не с ними... Соблюдая ритуал,
свои секреты спрячьте в тайную тетрадку.

МАЛЕНЬКАЯ ПАРТИЯ ДЛЯ АЛЬТА

М. М.

Как скромнен добрый альт!
И тих, и так серьёзен!
Как незаметен труженик
в бушующей толпе!
Я положу на грудь
грусть белой чайной розы —
пусть как-нибудь потом
он вспомнит обо мне.

Мне тоже не судьба
на квинту приподняться,
чтоб обратить внимание,
да и зачем оно?
Натянута струна
и ждёт, волнуясь, пальцев —
пусть как-нибудь потом
он мне сыграет, но

пусть только не сейчас!
Пусть только не сегодня!
Пусть лучше обожгут меня
сто безобразных грамм!
И пусть безбожник я,
но милостью Господней
пусть как-нибудь потом...
Потом... И аз воздам!

ТЫ ТАК ХОЧЕШЬ ЛЮБВИ?

Ты так хочешь любви!
Твоё тело — пустыня, иссохшая в зное,
каждой трещиной серой пыля, ожидает дождя —
проливного дождя!

Ты так хочешь любви!
Ты бессмысленно мечешься зря, паранойно.
Ты так хочешь любви! Ты так хочешь любви?
Только где та любовь для тебя?

Ты так хочешь любви!
Бороздя, суетясь, разгребая,
ты разводишь мосты, отрубает хвосты,
расставляешь посты под зонты на фронты.

Ты так хочешь любви!
Мерзлота Воркуты в горностае,
нагреваясь, ползёт до Китая,
до последней черты — рокового креста! И кранты!

Ты так хочешь любви!
Для тебя без неё невозможно
ни присесть, ни прилечь, ни привстать,
ни вздохнуть — вот такая беда!

Ты так хочешь любви!
Ты так хочешь любви? Ты так хочешь?
Ты так хочешь любви? Ну а я — не хочу!
От тебя! Не хочу!
Удивительно, да?

ОБЛОЧЕННОЕ

Л. Ю.

Меняешь облики, как тучки-облаки,
на аватарочке в окошке сайтика,
роняя отблески на шёрстку коврика,
ступая лапками, ты ходишь мягенько.

Твои конфеточки влекут, как девочки —
они так сладеньки и шоколадненьки,
но не для мальчиков — искать им нечего:
ни капли водочки в покоях гладеньких.

Не всем чудовищам — цветочек аленький,
для превращения — от змея яблоки.
Молчу в смущении сибирским валенком,
ломаю мостики и жгу кораблики.

Но сходят ролики у братцев-кроликов
под вечер в пятницу на воскресение,
и дают колики на брюшко, кроме как
здесь в тихом домике с мечтой весеннею,

под шелест вязовый, под шёпот облачный
легко так дышится, и с тонкой книжицей
взлететь над лужицей нам ангелочками,
и в небе блоковом ещё увидеться.

ГОРСТОЧКА ЛУЧИКОВ

А. Б.

Взгляд темнеет поручика:
где взять горсточку лучиков,
ярких солнечных зайчиков
для отчаянной девочки?
Не достать в магазинчике
у блондиночки Зиночки,
и на рынке у мальчиков
не купить за копеечку.

Потому что нет солнышка
для измученных золушек:
за пшеничное зёрнышко
жизнь навек искалечена!
Сумасшедшее времечко
бьёт кувалдой по темечку,
и до самого доньшка
рассекается трещина.

Горько плачет соловушка
над моею головушкой!
Совершенно беспомощны
заблужденья вчерашние.
Отстранённо домашние
смотрят в даль стоэтажную:
абсолютно безоблачно
над лесами и пашнями.

Эх, мальчишки-поручики,
вас под белые рученьки
поведут помаленечку
и поставят в линейчку
под кровавую стеночку
в лапы мягкие ельничка,
не оставив лазеечки
для надежды на лучшее.

НЕ ХОЧЕТСЯ КЪЯНТИ И МАРТИНИ

Л. М.

Я хочу быть летом в лёгеньком прикиде,
где-нибудь под пальмой взгляд отправить вдаль
в дымку голубую моря ли, залива —
это ведь не важно... Как мадам де Сталь,

я сентиментально напишу про осень,
пасмурное небо, серый дождь и грязь,
птицы улетают, и с полей колхозных
топают крестьяне, громко матерясь.

Возле магазина спит мужчина в луже —
глупый мужичонка, видно, перебрал.
Парочка старушек как-то неуклюже
курит с едким дымом «Беломорканал».

Дяденька с востока предлагает дыни,
яблоки, арбузы, прочий разный плод...
Что-то расхотелось къянти и мартини.
Окунусь в бассейн — может быть, пройдёт?

ГРЕХОПАДЕНИЕ

А. Р.

Ты хочешь увидеть Бога?
А я — «Ягуар» и водку!
Ты Богу налей немного —
у Бога засохла глотка.

Давай причастимся вместе
в особой глагольной форме
на вздыбленном Эвересте,
который ещё не сломлен.

Поверь мне, как Ева, змею,
что зло и добро — свобода,
дающая, к сожаленью,
не нам золотые всходы.

Во тьме Марианской дырки
призывно и ярко светит
фонарная похоть цирка
для клоунов небессмертных.

И мне наливая водку,
ты смотришь в глаза так долго...
Ну, что ты молчишь, красotka?
Ты хочешь увидеть Бога?

ПОДКОЛОДНАЯ ЗМЕЯ

Л. М.

Не стоит жалить всех подряд!
На всех подряд — не хватит яда!
Пусть говорят мне, что я — гад!
Я жалить рад — не быть мне гадом!

Мои змеючие глаза
глядят доверчиво и добро.
Когда ужалю — будешь знать,
как нежно любит злая кобра.

Как белки, прыгают врачи —
но не помогут клизмы, шприцы!
Кого угодно огорчит
безжалостный укус убийцы.

Я уползу в свою нору,
залягу в сладостной истоме...
А если что — я отопрусь:
скажу — не выходил из дома.

ЛЕСБИЯНКА

Е. К.

По-эмигрантски хочу на Лесбос,
но не пускают парней на остров.
Так что же делать? Прикинусь девой —
не остановят меня так просто!
Я любопытен — как сто китайцев!
К Сафо проникнуть давно мечтаю
на девоостров, но иностранцев
не допускают до женской стаи.
Куда деваться? Учю лесбийский.
Узнал два слова. За триста баксов.
Пошёл к хирургу. Ответ — как выстрел!
Я ж безрассуден — как сто Аяксов!
Спасите, доктор в халате белом!
Отрежьте орган, пришейте сиськи!
Стал трансвеститом. Дурное дело.
Зато я с телом вполне лесбийским!
Накрылся тазом мой счёт в сберкассе —
отдал за лайнер альтруистично.
Лечу на Лесбос. К Сафо. В экстазе,
как лесбиянка, или почти что.
Не по-лесбийски — на чистом русском
я объявил всем, что в гости еду —
к Сафо-поэту, но тётка в блузке
сказала: «Чудо, её же нету!»
Все в самолёте, рыдая, ржали,
стучали по лбу, крутили пальцем...
Да, мазанулся я нереально!
Пойду повешусь. Как сто спартанцев.

ДОКТОР

Л. М.

Я раздеваюсь и терплю.
Он лазит пальцами по телу.
Другому — тут же бы влетело!
А я как будто оробела...
Неужто доктора люблю?

Ну почему я так туплю?
Ведь доктор — так себе мужчинка:
халатик белый и ботинки.
А я, как дурочка, стою!
За что я доктора люблю?

Вот приглашали к королю,
а я — я не пошла чего-то.
Мои приятели с работы
ругались три часа до рвоты!
А я — я доктора люблю!

Любовь подобна журавлю!
Поправиться я не желаю!
Твержу три слова попугаем,
не внемлю никому, глухая.
Я доктора люблю. Люблю!

ЛЕБЕДИНОЕ

К. Л.

Подумать о тебе...
Представить взгляд, фигуру.
Представить поцелуй,
упавший с тонких губ.
И тихо сожалеть,
не изменив натуре,
что каждый обалдуи
с тобой быть может груб.

Сердечко, словно воск,
стекает в пламень свечи,
которая, увы,
не может не гореть!
И потому мой мозг
смешного человечка
словечек бытовых
тебе кидает медь.

ЭТО — ПИТЕР, ДОРОГАЯ!

Е. Л.

Это — Питер, дорогая. Это — Питер!
Не Москва. Не Сингапур. Не Нагасаки.
Здесь в окошках отражённый небожитель
под счастливою звездой и не во фраке.

Это — море, дорогая. Это — море!
Ты с Дворцового легко увидишь верфи!
Под мостом — Нева разводит тонны соли,
на мосту — зеваки с палкой лепят селфи.

Это — север, дорогая. Это — север!
Не Париж. Не Сан-Франциско. И не Лондон.
Атмосфера, расслабляющая нервы,
и холодный ветерок моей свободы.

Это — люди, дорогая. Это — люди!
Старички. Старушки. Дяди. Тёти. Дети.
Здесь не принято надеяться на чудо,
но в беде тебя поддержат люди эти.

Это — небо, дорогая! Это — небо!
Вечный дождик. Чёрный зонтик. Белый плащик.
И когда уйдем с тобой навеки в небыль —
кто ж ещё нас пожалеет и оплачет?

ОДИНОЧЕСТВО

В одиночестве полном,
в безысходности жуткой,
с невозможною болью
жизнь зашла на минутку

и ушла, не простившись,
не оставив надежды.
Жизнь была только жизнью —
так всё было и прежде.

Я мечтал о напрасном —
все мечты рвались в клочья.
Мой белеющий парус
стал темней чёрной ночи.

И последним аккордом,
завершая картинку,
был твой взгляд — слишком гордый
для лица с фотоснимка.

ПРОХОДИМЕЦ

Л. Ю.

Я пролезу в любую щёлку,
проползу сквозь любые чащи,
чтоб поправить небрежно чёлку,
стану нищим, пропащим, падшим!

Парафразом пройдуся по фризам.
Словно кошка — шмыгну в окошко.
Буду скромным и некапризным —
проходимец-воришка-мошка.

В пару с белым и с шоколадкой
(это будет моим паролем)
я оградку с защёлкой гадкой
без труда, как консервы, вскрою.

Хочешь, милая, — буду милым?
Если хочешь — сыграем в карты!
Я могу проиграть полмира!
Я — могу! Я такой азартный!

СНЕГ

Т. С.

Мы шли по снегу в никуда.
Точнее, в место для свиданий
для тех, кому одна звезда
печально светит, не мигая,
не обещая светлых лет,
но гарантируя минуты,
и, вероятно, этот свет
мог осчастливить почему-то.
А снег бесшумно шёл и шёл,
порхая белокрылой птицей...
И было очень хорошо,
хоть долго не могло продлиться.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Н. Б.

Восемь часов дороги
под перестук колёс.
Это совсем немного,
чтобы любить всерьёз.

Это совсем немало,
чтобы в ночном пути
с официанткой пьяной
мысли твои мутить.

Вряд ли кто знает больше.
Больше, чем ты и я.
Может, ночная площадь,
площадь вокзальная?

Может, пустыни улиц
неосвещённые?
Что им те поцелуи
невозвращённые?

Я б миллион историй
выдумал для тебя —
рот разевай просторней,
зал ожидания!

ОДНО СЛОВЕЧКО

Н. А.

О, кто из нас не предавал хоть в самом малом —
пусть с виду контр-адмирал и славный малый?

О, с виду все — богатыри в божественной стае,
но повнимательней смотри — ведь не слепая!

Но, собственно, к чему слова — стихи и проза?
От них так пухнет голова — как от склероза.

А жизнь рутинна и скучна до отвращения,
как Салтыкова-Щедрина роман для чтения.

Поэтому я не стыжусь ни слов, ни дела —
всех глупостей нелегкий груз взорвёт Отелло.

Я смутно излагаю мысль, но не без смысла —
у каждого есть пара крыл для коромысла.

А вы на Божьих небесах одно словечко
замолвите при не бесах за человечка.

БРОСИЛА ЖЕНА

Когда тебя внезапно бросила жена —
ушла к другому и противному субъекту,
то в том совсем не виноватая она:
любовь не может оставаться безответной!

Ты не любил её. Ты на неё плевал.
Считал её девчонкой неприметной.
Ты просчитался. Ты ошибся, дуремар!
Любовь не может оставаться безответной!

А тот, другой, ждал целых двадцать долгих лет,
и был ей предан, словно рыцарь, беззаветно!
Он так любил её, что от любви немел:
любовь не может оставаться безответной!

Пусть этот грех осудят все твои друзья,
применят санкции, угрозы и наветы.
Но если любят двое — справиться нельзя:
любовь не может оставаться безответной!

Перед твоим лицом закрылась плотно дверь.
Она ушла, как Крым, и все потуги тщетны!
Найди свою любовь — и полюби! Поверь,
любовь не может оставаться безответной!

МОТЫЛЁК

Какая польза от смешного мотылька?
Забавно наблюдать его спокойным взглядом:
он бьётся о стекло, но зря! Наверняка
не видит, глупый, что окно открыто рядом.

И дело, видно, не в распахнутом окне —
поэтому так цель смешна и непонятна.
Хотя ведь он привлёк внимание вполне,
и, может, эта мысль так для него занята?

Не бойтесь! Избегая ваших глаз,
солдат на смерть не посылает мой приказ —
я не стараюсь беспокоить вас напрасно.

Хотя так трудно избежать соблазна
и опуститься в мыслях до маразма,
до неpotребности отпугивая вас.

ВОЗМОЖНО

Т. С.

Куда теперь спешишь мелькнувшая, как талая вода?
Мне за тобою не успеть из грешного зиндана.
Возможно, что к тебе отходят постоянно поезда.
Возможно, я опаздываю тоже постоянно.

Возможно, в те далёкие края летает и плывёт
какой-нибудь невероятно безотказный транспорт.
Возможно. Но, скорее, вряд ли. И совсем наоборот —
и мне никак не одолеть препятствие пространства.

На каждом перекрёстке улиц, у ларьков на площадях
я смутно вижу тень твою, скользящую куда-то.
Мне, дорогая, не догнать тебя. О да, возможно, я
не тот, кто хоть откуда возвращается обратно.

Я представляю незаметное касание руки,
случайный взгляд, в который я бросался, словно
в омут.

О, боже мой, как стайки мыслей тех безумно далеки
и так близки, что в памяти бездонно не утонут.

Тебя, возможно, больше нет нигде, а значит, и меня
на льдине одиночества, плывущей к точке «полюс»,
которую бы я, возможно, ни за что не променял
на точно же такую, ни о чём не беспокоясь.

СЕЙЧАС

Ю. Р.

Я так люблю это тёплое лето
и наблюдать радость пристальных глаз.
Я понимаю, что кончится это,
когда-нибудь кончится, но не сейчас.

Нас расстояния разъединяют.
Не получается что-то у нас.
Я понимаю, любимая, так не бывает,
всё, может, сбудется, но не сейчас.

Мы расстаёмся, надеясь на встречу,
ждем с нетерпением её всякий раз.
Я понимаю, что жизнь скоротечна,
и кончится всё это, но не сейчас.

Жизнь коротка и так невероятна,
мост через вечность даётся лишь раз.
Я понимаю: вернуться обратно
возможно, наверное, но не сейчас.

Где-то на небе живет добрый ангел,
с тихой улыбкой он смотрит на нас.
Прошу, дружище, исполни простое желание
хотя бы одно, но сейчас.

ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА

Нарисую красным сердце,
подпишу «С днём Валентина!»
и, подобно иноземцам,
оближу полколлектива,
а потом, придя с работы
и стерев с лица помаду,
грустно станет отчего-то,
и не весело, как надо...
Забегу к соседу Ваньке —
врежем быстренько по «сотке».
Протоплю тихонько баньку
и по огороду — к Соньке!

Я ХОТЕЛ БЫ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

И. С.

Я хотел бы быть женщиной — обольстительной
стервой,
развращённой девкой — вся в шелках и парче,
омерзительно скверной, словно автоцистерна,
королевой-принцессой — беспринципной вообще!

Я б прикинулась ловко бестолковой — как пробка!
Обаятельной душой я б вошла в вашу дверь,
чтобы подлость и жадность разнесла вам голову
и сгубила б, как водка, мозг крушащая херь.

Я б направо-налево развела кавалеров
на подарки, цветочки, яхты, виллы, дворцы!
Обсвиняя Цирцеей, замудрила б Минервой,
чтоб они обрыдались, мужики-подлецы!

Я была бы капризной, леденеющей клизмой,
приз зари коммунизма, визгом в трубке «алло!»,
вся — цинизм феминизма и победа харизмы!
Но я — просто мужчина... О, как мне повезло!!!

НЕБО В КОЛОДЦАХ ДВОРОВ

О, кто там угодно, но только не я
мотался по городу вашему, заселённому
трупами.

Вы зря о спасеньи молили меня —
вы просто меня с кем-то спутали.

Вы ищите небо в колодцах дворов,
и в вое волчином вам чудится нежная музыка.
Вам нужно лечение других докторов
и дружба собачья от пёсика Тузика,

вниманье, участие и что-то ещё
достойное, совершенное, абсолютно полезное,
причём запрещается даже имя её!

Халява здесь! Люди нетрезвые!
И мозги, как молот, крушит бытиё —
постели несвежие и обои облезлые.

СХОДИМ С УМА

Давай сойдём с ума! Сойдёмся как безумцы.
Мы вскроем лихо вены: ты — мне, а я — тебе.
Как Герцен с Огарёвым мы клятву вольнодумцев
дадим для сумасшедших на маленькой горе.

Полюбим нежно пытки: цепями свяжем тело,
когтями вырвем глазки — нам, психам, всё равно!
Серийные убийцы взглянуть на нас не смеют:
от ужаса немеют, бегут толпой в дурдом!

Вампиры так бледнеют (что даже невозможно!)
и всаживают в сердце осины острый кол.
Сойдёмся как безумцы! И это так несложно,
раз нет других занятий с тобой, прекрасный пол...

В АЛЛЕЯХ

Бродил по аллеям, тоскуя, в желаньях алея и тая,
и Бродскому вторил в непрошенных мыслях печальных.
В заброшенных дебрях, во мраке забытых развалин
костями звенел кастаньетно с надеждой случайной.

Нахохлившись, ждал появления ангелов в райских
одеждах.
Они не пришли, как обычно. Я понял. Укутанный
дёрном
забывчивый классик о вечном навевал мятежно,
вздыхал, сожалея о времени — диком и нервном.

Его паруса забелели за дымкой далёкой, туманной,
но не разглядеть ничего, бесполезно — как твиттер.
Послушай, приятель! Возьмём по стакану желаний
и выпьем за всех горемык с нежной родиной — Питер!

ПРАЗДНИК В ГОРОДЕ

О. Ш.

Сегодня праздник в городе моём:
и площади — в сверкающих огнях,
и толпы шумные — в преддверии утех,
и музыка, и балаган, и громкий смех,
и карнавал, и ярмарка — для всех,
и девы яркие с улыбкой на губах!

Сегодня всё я посвящаю — вам!
Все жесты, маски театра моего готовы
вам — всё отдать, вас — развлекать,
заставить так переживать, чтоб снова
хотелось вам игру весёлую продлить —
пусть волшебства не разорвётся нить!

И, может, вы забудете и горечь, и беду,
и вечные обиды, неудачи.
Я постараюсь. Я найду слова. Я отведу
всё то, что слишком мало в жизни этой значит.
И очень рад я с вами быть вдвоём...
Сегодня праздник в городе моём!

ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ

А вы — не писатель? А вы — не читатель?
Нет, я — разгильдяй и хранитель музея!
Обычный мечтатель и не обыватель!
Читайте, завидуйте мне, ротозеи,
когда я по струнам в тоске лорелейной,
как будто по нервам, железом по стёклам,
чтоб громокипяще и вихревраждебно,
чтоб вздрогнули мухи на выцветших окнах,
в рассеянном поползне соннозамшелом,
чтоб вскинулись руки на статуях белых,
и вскрикнули в муке отчаянья бедном!
Вы так утомились в спокойствии сером?
Вам хочется неги без снега, но боги —
в бегах и забыли в напряге дороги,
а критика Крита криклива во многом.
Пожалуйте, барышня, в тёплые воды,
на терпкие вина и воздух пьянящий!
Атласные платья шикарно манящи,
но вряд ли заменят мне чувство свободы!
Прощайте, моя дорогая! С надеждой
я буду рассматривать яркий гербарий!
Не стоит разучивать новый сценарий,
актеры — в ударе, но зрители — те же.

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА

Как звезда — одинокая, бесконечно далёкая,
то в Париже, то в Падуе, то в Стокгольме, то в Хельсинки,
и стихов мои лесенки и дурацкие песенки
вас нисколько не радуют и вам не интересные.

Серостайкой воробышков развзъерошил я перышки
 весь в ребячьей наивности, в любопытстве невежества,
 Вашей Светлости нежности ждал напрасно, как
 праздника,
 как мессии явление невозможно чудесное.

Страсти кратко мгновение, а любовники — нервные, вечно злы и безжалостны, без спасибо-пожалуйста. Я растерян в сомнениях, но, пожалуй, что временно, и, надеюсь, доверие заслужу ненапрасное.

РОМАНТИЗМА МАЛО!

Вы наденете бальное платье.
Я напялю жабо в кружевах,
и, мечтая о мягкой кровати,
буду нежно смотреть вам в глаза.

Романтично, как лорд Д Г Байрон,
я скажу: Дорогая мадам!
Жизнь мне кажется грязным кошмаром,
но я вас никому не отдам!

Вы тактично потупите глазки
и заметите скромно: О, да!
Я — принцесса Изольда из сказки,
жду Тристана, сжигая года!

И тогда я с букетом и песней
(это будет специальный романс!)
восхищенно паду на коленки,
чтобы скрыть блеск своих хищных глаз.

Романтизма, — вы скажете, — мало!
Вот засада! Но где же прокол?
И постельная сцена пропала,
улетев далеко-далеко...

ФАНТИК

Ваши губки всегда чуть влажные.
Ваши волосы пахнут вереском.
Вы печальная — как адажио.
Ну, а я — пень пнём! — пробавляюсь хересом...

Вы с улыбочкой — словно феечка.
Ваша талия — тонкой тросточкой.
Вы такая смешная девочка!
Ну, а я — пень пнём! — занимаюсь с водочкой...

Вы — создание бесподобное:
зубок в ряд отряд белых слоников,
сексапильное тельце сдобное!
Ну, а я — пень пнём! — джин мешаю с тоником...

Ваши глазки блестят — как пуговицы,
смотрят нежно, как утро доброе,
навевая мне звуки музыки.
Ну, а я — пень пнём! — виски пью без содовой...

Вызывая упрек общественный
поведением злонамеренным,
знаю я, что в головке — девственно...
И поэтому пива я взял — немерено!!!

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

О. III.

Конечно же, стану я старой развалиной,
обломками жалкими древней империи.
Домашний тиран, — скажете вы, — хуже Сталина,
и весь из ошибок мечтательных дедушки Ленина.

Недвижно смотрю ваши телодвижения,
но рыбок золотых не ищу в поплавок колебании,
скорее, черпаю по мере своё вдохновение.
О женщины, женщины! Вы — преступление
и наказание!

Из тьмы-тараканьиной в тьму-вековечную
напрасно и зря посылаю сигналы без адреса:
бездарно, но как-то люблю вас, моя человеческая —
пусть это звучит, может, слишком безрадостно!

Мои Капитолии не терпят Всевышнего,
а ваши потребности — как сумасшествие!
И всё-таки девушка вы — необычная,
и вы для меня — как второе пришествие.

КОФЕ С ЭЛЕЙ

Э. Б.

Драмы скрываются в утреннем кофе,
в булочках с маслом, в хрупких печеньях.
Жизнь разбивается так, между прочим,
как пересадка в маршрутах подземных.

Взгляды коснулись на миг. Разбежались.
Две электрички прошли параллельно.
Тесно, наверное? — Сердце сжималось,
каплю за каплей цедило бесцельно.

Пей одиночества терпкую горечь
в шумной толпе и спокойствии ночи!
Время — не лекарь. Ничто не подействует!

Что вы хотите, моя дорогая?
Рая, увы, на земле не бывает,
не ожидает и Царство небесное!

ЛЮБИТЕЛЬ ЖЕНЩИН

Я люблю эту женщину.
И вот эту — люблю.
И вот эту, конечно же, —
чем плоха? — говорю.

И вот тех — в поликлинике —
не старухи ж пока!
И вот тех, вон тех — длинненьких,
тех троих у ларька.

Вот ещё ту — с собачкою,
и вот эту — в пальто.
Я люблю всех их пачками,
поездами метро.

Но они недоверчивы
и не верят любви!
Эх, товарищи женщины!
Почему не мои?

РАЗВОД С КАРАНДАШОМ

Карандаш, мне, конечно же, жаль!
Карандаш, я с тобой развожусь!
Ты узнаешь, как горька печаль.
Я почувствую тихую грусть.

Исписался ты, милый, в конец!
Разведёмся — не будем страдать!
Ты — совсем недостойный отец!
Я — совсем никудышная мать!

Невозможно же жить не любя!
В ЗАГСе мы уничтожим союз:
ты — распишешься сам за себя,
я — тобою в листке распишусь.

Выйду замуж я за пылесос!
Он — полезный и ценный предмет:
целоваться умеет взасос!
Что — молчишь? Ну? Что скажешь в ответ?

ОСЕННЕЕ

А. М.

На улице — ветрено,
а на душе — муторно.
С утра во рту приторно —
от кофе я в ступоре.
Вскройте мне вены штормом!
Рому, Дарби Мак-Гроу!
Рому! — хрипит аорта,
комом встречаая в горле
в сумраке пасмурной комнаты.

Я рисую портреты
в грёзах орнаментальных,
награждая скелеты
тремора орденами.
Литры грязного брома
сброжены спёртой грудью.
Метры до гастронома
простреляны из орудий
профессионально от двери дома.

Ортопедически верно
осень крадется рядом,
листья срывая нервно,
взглядом шепча «не надо».
Храм сентябрём разграблен
вдребезги и напрасно.
Грабить, парадоксально,
грабить — это прекрасно
кречетом быстрым в россыпи спален.

НА ВОКЗАЛЕ

О. Ш.

И снова — в слякоть, в дождь! И снова — в ночь!
И темень за окном развозят электрички.
Последний взгляд. И поцелуй. И — прочь!
И гаснут на ветру сырые спички.

И вечен мой конверт, и не отправлено письмо,
и мне не хватит жизни объяснить минуту.
Как лист — меня по воздуху несло,
но не раскрылся хвост цветного парашюта.

И лопнул космос, как воздушный шар;
и многолюдным стал вокзал, и чёрным;
и, словно мамонт, уходил состав, отстёгивая пар.

А я — остался. И не смог уехать с этим скорым.
Дрожали рельсы, рвались вслед, туда,
где «красный» изменился на «зелёный».

МАРГАРИТА

Как дура, полдня провела в «Ив Роше»
и дрянью какой-то намазала тело.
Я сильно хотела, чтоб я полетела
и чтобы летела бы я — в неглиже!

Всю жизнь прожила на втором этаже!
Я не Маргарита и не Катерина,
но хочется броситься в омут с обрыва:
муж, дети, работа — достали уже!

Есть дьявол в Казани, но ангел — в душе!
К нему бы ушла, но дорога закрыта:
я не Катерина и не Маргарита,
и чёрт мне не брат — не берёт в протезе!

На Лысую гору в крутом вираже!
Чтоб мачта — скрипела и тело — летело!
И Родина б пела, как Фицджеральд Элла,
и я б не потела в своем неглиже!

Пусть скроются твари в глухом блиндаже,
когда пролечу я, как Юрий Гагарин!
Поехали, дьявол! Казанский татарин
товарищем будет в ночном кутеже.

БЕЗ СОЛНЦА

Встречаемся случайно и без солнца,
и обсуждаем долго — новости, друзей.
А мне так холодно, когда она смеётся,
и улыбнёшься ей — как будто всё о'кей.

И балагуришь, а внутри — что в яме:
темным-темнёненько — ни проблеска, ни зги!
И мне невесело, и голова в дурмане.
Напиться, что ли, от печали и тоски?

Бреду по лужам, дождиком гонимый.
Скребутся кошки и когтями душу рвут.
Ну, не везёт в любви! Опять не полюбила!
Но почему же к ней я, как дурак, иду?

Стрельнул на остановке сигаретку.
Чего страдаю, пропадаю без конца?
А что, действительно? Пойду-ка лучше к Светке!
Само собой — возьму бутылочку винца.

ОНО

Мы видеть мир хотим таким, как мы хотим,
но он устроен, к сожалению, по-другому.
Неудовлетворенность наша, связанная с ним,
никак не может обрести себе покоя.

Нам хочется любить объект своей любви,
но близлежащие субъекты не подходят,
а где-то близходящих не рассматриваем мы —
проходим мимо, что необъективно вроде.

Нас манит и зовет непостижимо то
скользящее, как лунный свет своей дорожкой,
одетое фантазией в блестящее пальто,
неукротимое, с повадкой дикой кошки.

Оно под тем пальто скрывает жажду встреч,
тоску печальную любви во взглядах нежных,
стремление сдавшись покорить, изысканно развлечь
и растянуться, улыбаясь безмятежно.

Как привлекательно всё это может быть!
Но необычно, странно, зыбко и, похоже,
оно наделено всем тем, чем хочешь наделить,
чем, разумеется, оно и быть не может.

НАША ЖИЗНЬ

О. Ш.

Мы жили странно: были пьяны без вина,
но не сжигало утром горькое похмелье.
Отчаянье сменялось на веселье
в том городе, где нас настигла мгла.

Мы жили дружно: драки не было всерьёз.
Мы утопили все свои печали
в бескрайнем море всех невыплаканных слёз,
несчастье и обиды забывали.

Мы жили нервно-бедно: как во сне,
я вижу каждый день, встающий спозаранку,
одетый в жалкий мех на рыбьей чешуе —
он выворачивался часто наизнанку.

Мы стали никому на целом свете не нужны,
нам вся вселенная — огромная чужбина.
И выше не было и нет заплаченной цены
за каплю жалости в эпоху карантина.

Мы все грешим, отчаянно грешим
и совершаем бесконечные ошибки.
Но, я надеюсь, нас хоть кто-нибудь простит,
благословит священной улыбкой.

ПРИЗРАК ЛОГИКИ

Гоняясь за призраком логики, скрытой ужасною тайной,
желая открытий, как манны небесной желали евреи,
иди на свиданье с улыбкой Джоконды блудливо-неясной —
увы, любопытство уже затянуло тебя в свою сеть
несомненно!

Я тоже ищу приключений на улицах тёмных и грязных,
но не потому, что сторонник бездарных, пустых
развлечений,
скорей, потому, что себя заставляю метаться напрасно,
как мечется мячик упругий от силы его столкновенья.

И только тогда, когда вдруг затихнет в покое
твое охлаждённое к нужному градусу белое тело,
наверно, не будет стремиться оно ни к чему бестолково.

Поскольку ещё не приплыли к такому пределу,
как рыбка, глотай эту жизнь каждый день, каждый час,
и по новой
беги и беги босоного по жизни безумной бесцельно.

ИТАК, ИТАКА

О, что там в хитроумии твоём?
Тебе семья и дом — давно пустое место,
да и тебя никто не помнит в нашем королевстве,
и без тебя мы здесь так хорошо живём!

Не появляйся лучше и не приходи!
Зачем нам портить добрый светлый праздник?
Ты славно веселился где-то всяко-разно,
ещё притащишь глупую заразу — лечи её потом,
о господи!

Прости-прощай! И с песнями — в музей!
И славой боевой, но бесполезной и ненужной
не похваляйся перед женщиной замужней,
ты здесь — никто, ты просто — Одиссей.

А здесь, в гостях, крутые пацаны —
не то что ты — бродяга и бездельник!
Их есть за что любить — за молодость, и денег
у них достаточно на наше всё — им нет цены!

Здесь телемаксов эльдорадный рай!
Аллах акбар, паршивая неверная собака!
Напрасно гредишь ты своей Итакой —
давай проваливай, и никогда не возвращайся
больше в этот край!

КОНЕЦ СВЕТА

М. Ц.

На берег пустынный волна набегают.
Здесь редко куда-то плывут пароходы.
Угрюмое место тоску навевает,
но не уникально оно в своём роде.

Сюда залететь — как на дно опуститься,
и больше не знать удивительных всплывтий.
Облупленных домиков стёртые лица
растеряны в мраке грядущих событий.

Вам не избежать катастрофы, как видно.
Всё ближе и ближе — и некуда деться
от гибельной участи неотвратимой,
когтями сжимающей слабое сердце.

Кому вы писали последние письма?
Кого призывали в безлунную полночь?
Напрасно ищу я в рассеянных листьях
забытых шагов утомлённую горечь.

Осеннее, серое давит сквозь крышу,
свинцовою тяжестью мозг наполняя.
Последнее слово никто не услышит,
но губы всё шепчут, строфу повторяя...

МАРИАНСКАЯ ВПАДИНА

Амбар переполнен. Тоска безутешна.
Уже ничего мне не нужно отныне.
На дно ухожу, в Марианскую вечность,
в последней молитве шепчу твоё имя.

Нет спущенных флагов на мачтах и шпилях.
Нет скорбных процессий у серых порталов.
Нет высохших комьев бесформенной глины.
Нет траурных лент, и никто не рыдает.

По-прежнему шумно в прокуренных залах,
где пьют, улыбаясь, весёлые вина,
где пляшут девчонки в бушующем гаме.

Торопится почерк, волной набегаая.
Кричи не кричи — всё равно не услышит
четырнадцать строчек, разбитых о скалы.

КОШКИ-МЫШКИ

Мышка с кошкой играла немножко.
Она думала, что кошка — мышка.
А кошка как будто смотрела в окошко,
она-то знала, что мышке — крышка.

Шустрила мышка на быстрых ножках,
под шкафом пряталась понарошку.
Она считала, что мышка — кошка.
Она ошибалась совсем немножко.

Совсем немножко... Ошиблась, крошка.
Набила шишек? Эх ты, глупышка!
Была игрушкой в руках мальчишки,
теперь напрасно трешь тушь ладошкой!

А «кошке» достаточно кликнуть «мышкой»,
чтобы закрыть любое «окошко».

НЕСЕРЬЁЗНОЕ

Писать вам серьёзно — совсем несерьёзно!
Здесь даже не сцена для фарсов, трагедий.
Но верят! Как дети! Как в Деда Мороза!
Как будто он скоро к вам в гости приедет!

Увы, дорогая! Я — не исключенье,
скрывает фантазии детская маска,
хотя понимаю я вас, сожалея,
что женская вера в любовь — это сказка,

рождённая принцами, золушкой, феей,
подарками в ярких обёртках блестящих
и шорохом платиццев бальных, феерий,
в несбыточных чувствах к чему-то манящих...

На самом же деле, прелюдия к фуге
обычно мажорней минорного такта,
который затянет потуже подпругу
бессмысленной маленькой ручкой, вот так-то!

В ТАЙГУ

А. Б.

Письмецо отправляя с убогих болот
в ваши дебри лесные — тайгу серебристую,
где находится ваш лапидарный оплот,
вместе с кошками, близкими и неблизкими,
и далёкими вам — откровенными «ку-ка-ре-ку»,
скаменевшими в коме вагоно-тележками,
со своей стороны (тоже ведь не Баку!)
пробираюсь по снегу короткими перебежками.
Первый снег в этот раз — неожиданный пук,
выхлоп «доброй погоды», язви её в душу.
Старость как-то не греет кандидатов наук,
по нужде выходящих из склепа наружу.
Продолжается жизнь, несмотря ни на что,
несмотря, что всё «до» стало больше, чем «после»,
но, как рыба, хватая ушедшее ртом,
без воды надышаться не можешь на воздух.

ОСЕННИЕ СИМВОЛЫ

Е. О.

Осенние листья шуршат у меня под ногами,
льёт дождик сентябрьский свои морозящие слёзы,
и хочется верить во что-то, моя дорогая,
с надеждой мечтать, погружаясь в волшебные грёзы.

О, как мы порою беспечны, наивны и глупы!
Владея — теряем, а главное — не замечаем!
Обычные будни — жизнь крутится стрелкой
минутной,
и хочется счастья — но что это? Кто его знает...

Оставьте мне своды в сереющих ватных разводах,
течение вялой реки в дисфории свинцовой,
сырой полумрак, беспросветно тоскующий город —
ещё не затоплен мой Китеж навеки водою.

Рыдайте, оркестры! Уходит, как странник, эпоха!
Едва ли кто вспомнит, санскриты её разбирая!
Жизнь будет другой, — говорил мне один из Елоха,
и хочется жить — добежать до последнего края.

ПРОПАСТЬ

И. А.

Лечь, как в гроб, в твою любовь
и концы отдать от страсти?
Перспектива — ничего!
Всё, конечно, в божьей власти.

Уцелею? Может быть.
Но победы быть не может.
Вот оно — тебя любить!
Знаю я — себе дороже!

Лечь, как в гроб, в твою любовь!
Дай, невеста, саван белый!
Окропим снежок его —
и закончим этим дело?

Не закончилось! Ну что ж...
Но зато живым остался!
Помолясь, свечу зажжёшь.
Не пропал! Но как старался!

СЛАБОСТЬ

С. Б.

Без мистики, холодный, отстранённый,
уразумев, я вижу только боль и мрак.
Ликует мир с рассудком помутнённым,
а я испытываю неподдельный страх.

Через века рассеянных видений
ещё твой след заметен в памятных листах —
воздушный бред смешных стихотворений,
остывших в поцелуях светлых на губах.

И всё-таки, не веря в провиденье,
случайно я вошёл в незапертую дверь,
в проёме встав нелепым привиденьем,

её покой смущая жалкой тенью
того, кто был и не придёт уже теперь —
единственный, желанный и последний!

ПЛАЦЕБО ЛЮБВИ

И. А.

Избегая, как Гамлет, Офелий в своем Эльсиноре дурацком,
лыжи тихо острою, собираясь как будто на Северный полюс.
Лето медленно тает, напевая мотивчик осенний,
сентябрьский.
Олимпийское «ню» по-китайски вопит «всунь-им-всем»
во весь голос.

Нержавеющей стали изломаны копыта лысеющих принцев!
Если хочешь любви, то найдётся объект для пружины
матраса!
Одиночества дали — горизонты без края, равнодушные
лица —
то на круги свои возвращается ветер восточный
в лампадах.

Сожалея о сером, упавшем на гладь, отражённую в небо,
евхаристии след наблюдаю на архитектурных амвонах,
разумеется, первым с надеждой зову златокудрого Феба.

Голубеет просвет на глазах с колокольным малиновым
звоном —
евразийским манером приветствуя чьё-то начало
на белом!
Я — последний адепт, подносящий букет рододендронов
горных!

БЕССМЕРТНОЕ БРАТСТВО

О. Р.

Поэзия, милочка, жжёт, как огонь,
вползая змеёй в вашу душу,
вскрывает любую консервную бронь,
сажая правителей в лужу.

С наивным восторгом читая слова,
почувствуйте горечь надежды
и счастье того, кто всё это слагал,
задумываясь безмятежно.

Вершин не ищи — их не будет — вершин!
Вершина — лишь точка над морем.
Поэзия — тропка для гордых мужчин,
угрюмых в нелепости боя.

Пусть яростный стих разнесёт этот мир,
взрывая обыденность жизни,
безумной кометой летя сквозь эфир
галактики в холоде синей.

И нету начала, и нету конца
у слов, обращённых в пространство.
В поэзии нет ни отца, ни творца —
одно лишь бессмертное братство!

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Вы можете быть обаятельной,
и можете быть обольстительной,
а я наблюдаю внимательно
в спокойствии невыразительном
за вашими телодвижениями,
скользящими, струйными, дивными,
нацеленных на унижение
политика недальновидного.

Он машет нелепыми лапами —
не ангел, но и не чудовище, —
поверженный вашею ласкою
с наивностью до беспомощности.
Он думает, что вы захвачены
вниманием к нему исключительно,
поэтому вы — обаятельны,
поэтому вы — обольстительны!

Он ходит за вами на привязи,
невидимой всем в неразрывности,
и шкура тигровая витязя
висит пиджаком для солидности.
Хоть вы не горите желанием,
но прячете скуку намеренно,
вовсю привлекая внимание
другого, совсем незаметного.

Счастливец и ведать не ведает,
стеснителен до невозможности!
Смущается взгляд перед девами,
краснеет от шуток и робости.
Нет сцены печальней без зрителя,
пресыщенной наблюдателями:
напрасно вы так обольстительны
и дьявольски обаятельны.

ФИОЛЕТНЕЕ

Ваше платьице в складочках фиолетовых морщится
на нежнейшей конструкции, тонкой, словно
тростиночка,
а мне вашим букетиком быть невысказанно хочется,
чтоб вы к сердцу прижали меня, сиротиночку.

Чтоб пропасть ненавязчиво в ваших ручек объятиях,
задохнуться от милости наслаждения райского,
я тону упоительно в бездне глаз ваших яростных,
как «Титаник» на встрече с громадою айсберга.

Я бы нырнул, как ниточка, вслед за вашей иголочкой,
вслед за вашей фигурочкой, как Мороз и Снегурочка
я бы ехал на саночках с новогодней ёлочкой
к ребятишкам на праздничек, улыбаясь, как чучело.

Разложил бы по полочкам в аккуратные стопочки
очевидные плюсики и не верил бы в минусы,
полюбил бы политиков, нажимающих кнопки,
и родню хоронить я не стал бы за плинтусом.

Безнадёжны мечтания — безусловно-нелепые,
в недоступности высятся, как тоска Джомолунгмова,
но гоню Росинанта я на седле табуретовом,
продираясь, как Маугли, через заросли джунгли!

КУКЛЫ

И. А.

Мальвина не любила Буратино
и говорила про него надменно:
Ну, дерево — и дерево! Как видно,
не нравился он леди совершенно.

А Буратино не любил Мальвину
и обзывал Мальвину глупой тряпкой,
зелёнкой мазал волосы змеино
с улыбкой до ушей — безмерно гадкой.

Один Пьеро ходил, стихами мутно грезя,
страда и белея, словно парус, —
несчастный и забытый сгазу,
неволью вызывавший жалость!

О да, его Мальвина тоже не любила,
предпочитая Карабаса-Барабаса,
поскольку в бороде скрывалась сила
и притяжение лязгающей кассы.

ВОСХИЩЕНИЕ ГОВОЙНОЙ НАСТРОЙКОЙ

А. Д.

Предложил бы настроиться — но, увы — не могу,
представляя гобойное нечто в ночной тишине
вместе с лекцией по настройке на новой волне —
heavy metal стучит в экстазе в моём мозгу.

Восхищения требовать? Да зачем? Не хочу:
интонации «ля» в наше время сошли на «соль»,
потому что до-ста-точно входит под сердце боль,
а диез — только прутья клетки, и я — молчу.

Хорошо, что есть ещё девушка, там, в темноте.
Вероятно, радует чью-то душу и гордый взор.
Вот поэтому жизнь — не отстой и сплошной минор,
и печальный blues станет reggae в моей мечте.

Преимущество белых (их — семь, ну а чёрных — пять!)
позволяет надеяться, что еще не триндец.
Мне настроит гитару «на глаз» друг — Гомер-слепец,
и я буду до смерти свой rock'n'roll играть.

ИСТОРИЯ УБОРЩИЦЫ

Э. Б.

Я — простая уборщица в школе,
цельный день пыль мету по углам.
А мужик мой — монтёр Анатолий,
ремонтирует офисный хлам.
Он — хороший и в общем-то добрый.
Пьёт, конечно. Всего-то делов!
Но сама подложила я бомбу
в тонкой книжечке с сотней стихов.
Он сперва не заметил бы вроде,
но вот как-то открыл — и застрял!
И теперь каждую ночь он на взводе
с этой книжкой, а пить — перестал!
Всё про нежную ночь он читает,
про любовь и какую-то муть,
и вздыхает не переставая,
мне никак не давая заснуть.
По утрам что-то тихое шепчет,
говорит мне: Мой ангел, как вы?
Лучше пил бы, как Колька из третьей!
Или б в глаз мне слегка замочил!
С поэтессой он мне изменяет!
Я же вижу его, как рентген!
Даже если цветы мне вручает,
он, наверно, мечтает об ней!
Я — увы, не Ахматова Анна,
не Цветаева и не Сафо,
и в стихах-то я — не Копенгаген...
А напишу-ка роман, как Толстой!

НЕВИННОСТЬ

О, как изысканна и прекрасна лилия тихих вод!
Даже дотронуться — и то боюсь.
Сорвёшь — а на завтра она умрёт.
Странно, неужели к этому я стремлюсь?

Восхищаюсь нежными голосами вольных
лесных птиц!
Щелкопёру жёлтому — не дано.
Не лови настойчиво взмах ресниц.
Это — клеточка! Знаешь, она для кого?

И пока живёт в моей душе любовь,
как нервная стайка рыбок в волнении,
пережигая горькую чёрную кровь.

Но как тянет меня искушение!
Ошибусь! Ну и что? Разум — не прекословь,
не хочу слушать твои возражения!

ВИНО КАК ЛЮБОВЬ

В. К.

Моя любовь — весёлое вино!
Чем больше — тем приятней ощущения!
Какое? Не имеет то значенья,
храните только правильно его!
Бедро сосуда глажу, не стыжусь!
За эти ласки не дают по роже!
И от сосуда холодок по коже
бежит, не увеличивая грусть.
Ну всё, пора! А то не унести —
любовь к вину, увы, не беспредельна!
Печаль моя светла! И в самом деле,
зачем моей любви дурацкое «прости»?

ОДНОЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЩИНЕ

В. З.

Чтобы забыться на вашем плече,
скинув стыдливые чувства,
нужно вернуться, но как и на чём
можно обратно вернуться?

Не разбирая, кто прав, кто неправ —
жизни стремительной поезд
нас зафутболит пылиться под шкаф,
в льдины на Северный полюс!

Но даже там, среди белых могил,
я запою во весь голос:
Женщины — есть! И я их — любил!
И поклонюсь им по пояс!

С УЛЫБКОЙ НА УСТАХ

О. Ш.

Ты вышла на вокзал в июньский мелкий дождик.
Я понял, что пропал, упав в твои глаза,
и в голубую даль унес зелёный поезд
всего сто тысяч лет тому назад.

Страдая и любя, не зная расстояний,
твоя любовь меня хранит, как талисман.
И благодарен я, в безверьи догорая,
за то, что это свыше дано нам.

Сжигая корабли, подобно тем ахейцам,
которым никогда не встретить вновь невест,
с улыбкой на устах и с болью сладкой в сердце
любовь через толпу несёт свой крест.

ОБИДА

Почему ты не смотришь мне прямо в глаза
и за пазухой держишь обиду?
Неужели нельзя откровенно сказать,
в чём меня укоряешь постыдным?

А мамаша твоя приползла, как змея,
всё в буфете гремела посудой,
и ворчала, как трактор, склоняя меня,
называя продажным иудой.

Ты не верь разговорам пустым обо мне
и старухам на лавочках грязных.
Мой дружок Анатолий — приличный вполне,
выпивает маленько, но в праздник.

На окошках цветочки завяли у нас,
в банке сдохли весёлые рыбки.
Ну, подумаешь, встретился с Светкою раз —
вечерком проводил до калитки.

У станка я всегда по две нормы даю
и висю на доске в рамке синей.
Я тебя, дорогая, безумно люблю,
и надеюсь, что это взаимно.

МАДРИГАЛ

О, дорогая, я люблю вас так, что плачу,
но слёз моих не видно ни одной — ни капельки.
Я сожалею, что любовь моя для вас так мало значит,
она нужна вам — словно летом валенки.

Когда вы входите походкой мягкой, кошечкой,
теряюсь непременно, чушь несу волшебной-
несусветную,
смеюсь не к месту, удивительно беспомощен,
свои потуги понимая безответные.

От ваших рук исходит электричество дрожащее —
и мой темнеет взгляд, и сухость в горле — жуткая!
Вы улыбаетесь легко, а я тушу с трудом пожарище —
казалось бы — с чего беситься над невинной шуткою?

Что я могу поделывать? И куда направиться?
В какие дебри удалиться кругосветные?
О, дорогая, я люблю вас — мне не справиться,
не выбраться, не свидеться, не встретиться...

ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬДОГ

Ах, как любит меня черноглазый бульдог!
Вряд ли любят меня так холодные леди!
Он готов облизать с головы и до ног
и от счастья порвать мои джинсы последние.

Я ему по-французски скажу: C'est la vie!
Он по-русски в ответ ничего мне не скажет.
Как старик, астматически шумно хрипит
или спит возле ног, как солдат после марша.

Может, всё-таки где-то найдется одна —
пусть не будет такой безобразно красивой,
но полюбит любовью бульдога она
и от страсти порвёт на куски и меня изнасирует!

ДВА ПОЛЮСА

Был занудливым. Педант.
Убеждая — пучеглазил,
будто в мозг с ножовкой лазил,
отрезая всё подряд.

А она — дитя-дитём!
Ей — что в лоб, что по лбу было!
И за что его любила,
что-то находила в нём?

Веселилась — как могла:
что-то как-то вышивала,
песенки, звеня цимбалой,
пела, где сгущалась мгла.

Он возвел такой забор —
выше, чем стена Рупала!
Только вдруг стена упала,
завалив отроги гор.

Но когда она ушла,
у него сорвало крышу:
пишел-мышел — Ванька вышел!
Кровь — рекой! Какой кошмар!

ЗАГАДКА

Сейчас сижу в кафе, смотрю на мавзолей,
пишу галиматью для женщины далёкой —
столица — хороша, но всё же без друзей
в толпе китайцев и французов как-то одиноко.

Нет в космосе проблем — проблемы у людей.
И даже есть у тех, кто к космосу привязан.
Хотя, казалось бы, что в космосе тебе?
Возможно, мысль о нем действительно заразна!

Виденья странные приходят по ночам,
раздваивая суть зеркальным отраженьем.
Куда несёт меня? Я ничего не знаю сам,
но не сопротивляюсь я бесцельному теченью.

Мой взгляд скользит, не трогая тебя —
по ложкам, чашкам, вилкам, официанткам,
звезде кремлёвской, в небо уходя —
как будто там ответ моей загадки...

КОСМИЧЕСКИЕ БРЕДНИ

Вы, милая моя, такое чудо!
Вас не любить не мог бы даже дьявол!
Но не считайте вы меня паскудой,
я — положительно во всём хороший дядя.

Я пробираюсь к вам сквозь тернии, как
к звёздочке!
Я предлагаю, как Гагарин, вам: «Поехали,
легко развеем вашу грусть и выпьем водочки!»
Но вы мгновенно ошетинились доспехами...

Ну неужели трудно вам собраться?
Чем так прельщает вас уродский офис?
Деньгами? Не смешите меня, братцы!
Да заплачу я — и за водку, и за кофе!

Ведь я пока что, дорогая, не на пенсии!
И пусть мне платят как научному сотруднику,
но я куплю для вас волшебные гортензии,
и буду, как Луна, всю ночь светиться — спутником.

ЗОЛУШКА

С. Б.

Тарелки и блюда, горшки и кастрюли —
мне так надоело в грязи ковыряться!
И мачеха — ведьма! И сёстры — грязнули!
Поддай! Принеси! Убери! Постарайся!
Мечтала наивно о танцах, о принцах,
о нежной любви и о счастье семейном...
И надо же было такому случиться,
что всё совершилось! Почти что мгновенно!
Мне добрая фея сварганила платье,
карету — из тыквы, прислугу — из мышек.
И вот уже я — на балу! Я — в объятьях
прекрасного принца вздыхаю неслышно!
И свадьбу сыграли — как песню пропели!
И всё королевство гудело — как улей!
И в Ницце гуляли! Четыре недели!
Жаль, время летело стремительной пулей...
Вернулись... Живу во дворце. Снова — кухня!
Детишки пошли — как грибы. Но — поганки!
Король с королевой — две черные мухи —
мне мозг прожужжали, что я — интриганка!
У принца так много кастрюль, сковородок!
Прожорливый парень — как сотня узбеков!
И дети его — все из той же породы:
они не считают меня человеком!
Тарелки и блюда, горшки и кастрюли —
за каждое пятнышко снова в ответе!
Я вышла за принца? Меня обманули!
Зачем потеряла туфлю на паркете...

ПРОЩАЙ, ЛЕТО!

Ю. А.

Давай похороним прекрасное, тёплое где-то там лето!
Давай зарыдаем по этому поводу вместе с дождём!
Со знаменем красным пройдем, голося октябрём
по проспектам!
Прощай, дорогое моё! Наливай по сто грамм — помянём!

А ты не готова: и в сумке — ни рюмки, ни водки, ни булки.
Сплошная помада и в гробике тушь гуталинно лежит.
О, горе мне! Мне — отвратительно больно и прям-таки
жутко,
и ветер сырой пробирает насквозь — до кишок, паразит!

Тебе — хорошо: на меху твоя мягкая финская шубка,
и шарфик мохерово греет — как печка, и тёплый платок.
Я плачу — без слёз. И в груди — ни единого стука, ни звука.
Я — листик на паперти жизни, летящий во тьме на восток

в бессмысленность «раши» — в нелепость, в её азиатскую
дикость,
в колючие мрачные дебри, в бездарность пещерных
персон...

По каждой трубе водосточной стекает бурлящая жидкость,
и невозмутимо узбек поливает из шланга газон...

ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ, ДЕВУШКА!

Ты вошла, словно радость открытых гробов,
с хэлоуиново-жуткой — от уха до уха — улыбкой.
Вероятно, я к этому был не готов:
Ну какая любовь? Роковая ошибка!

Да... Та ночка была, словно тридцать седьмой,
в мягких тапочках на босу ногу.
Я метнулся в окно — как последний герой,
но какой же я, к чёрту, герой, ради бога!

Я лежал, зелenea лицом-огурцом,
как закат вожденной купюры.
Неужели я стал в те секунды отцом?
Что же нужно ещё этой долбанной дуре?

А она причепурилась, заголена —
выставляла коленки бесстыдно.
Подсчитал — получается срок, но она
девять месяцев ждала — вот тётка-ехидна!

Что ж? Теперь — целовать её в желтую плешь,
утирать её слёзы платочком,
пригорюнясь, сжигать отвратительный трэш,
разгребая углы всех канав водосточных...

ПОГРЕМУШКА

И. А.

Этот запах волос, как тугая петля,
стянет горло твоё, что дышать невозможно.
«До свиданья, матрос! Я уже не твоя!» —
попрощалась змеёй, сбросив старую кожу.

Есть у каждой змеи погремушка в хвосте —
след напрасных страстей, костенеющих в шкурке,
но чем громче гремит коробок новостей,
тем боятся сильнее и пугаются жутко.

И бегут кто куда от смертельной любви
в обывательский рай под кисейные юбки,
чтобы снова предать, и всегда ядовит
поцелуйный лишай на губах у Иуды.

Красный флаг на рейхстаг поднимает любовь,
пленным — «Гитлер, капут!» — повторять
с грусть-тоскою.

Твой единственный враг проиграл этот бой,
да и ты, хоть и крут, но не выиграл боя!

СОЛЯНОЙ СТОЛБ

Как мило! Нам — в одной могиле
на навсегда.
Твоя нескошенная сила.
Моя — вода.

Ты ничего не попросила,
а я — не дал.
Ты разыскала Палестину —
и пуст вокзал.

Инцест не надоест в объятьях
чужих невест.
На простыни, белея в платье,
лежал твой — крест.

И что же дальше, ангел падший?
Куда — теперь?
Беги скорей к сестрице нашей —
рыча, как зверь.

Я был немного настоящим
в безлюдье тем —
заколотил гвоздями ящик
и тьму проблем.

Ни капельки уже не страшно —
не пью, не ем.
Я — соляным столбом вчерашним —
как рыба нем...

**САРЫНЬ,
НА КИЧКУ!**

И. М.

Судьба прижималась кошкой
с когтями острее стали.
Мы гладили шёрстку ладошкой
и о когтях не знали.

Чирикали воробьишки,
скакали — как на пружинке,
обстрипывали делишки —
всё в гнёздышко для малышки.

Судьба же ловила ловко
в расслабленности упругой —
вмиг свёрнута вбок головка,
и перья — на всю округу.

Но снова щебечут птички,
и ручки ласкают шёрстку...
Сарынь, — я зову, — на кичку!
Но кички уже так жёстки!

СЧАСТЬЕ

А. А.

Печально, моя дорогая! До сказок, до неба, до рая —
ни тропок, ни трактов, ни рельсов, ни взлётных
бетонных полос!

Мы так одиноки, что спятишь, себе иногда представляя
кораблик с названием «Счастье», стоящий в тоске
у причала,
в тумане белея санчастью — заботливо, словно Христос.

Под пулю? Под трактор? В бутылку? Смотрю без эмоции
пылкой —
разбитая жизнью копилка пуста, как колхозный амбар.
Но не покидает ухмылка мой рот искривленный Ордынкой,
поскольку коммерции жилка противная русскому шибко —
во мне нет «продажной» пружинки — говно выдавать
за товар.

Для вас, Первомай навевая, кроваво закат догорает,
и в Красное море вползает яичницы жёлтый зрачок.
Шезлонгов откинутых стая в песке засыхает, страдая,
и берег пустынного края с египетской силой достанет,
как с гравием грузовая автобус, спешащий в Подольск.

ВЕРБЛЮДИК

Ваши ручки — такие маленькие!
Ваши ножки — такие тоненькие!
Я кажусь вам сибирским валенком
и потомственным алкоголиком.

Неожиданный — как препятствие
и навязчивый — словно лямблия,
говорю я вам: Милая! Здравствуйте!
Вы ж в ответ грубо: Нет! До свидания!

Отчего ж вы глядите искоса?
Что плохого в моём приветствии?
Как на полюсе — только минусы?
Чем испугана ваша девственность?

Я — создание несерьёзное,
спамофильтры — всегда отключены.
Нет причины мне строить козни вам,
я желаю вам — только лучшего.

Ваши ручки — такие мягенькие!
Ваши ножки — такие худенькие!
Может, выпьем пивка — по маленькой,
и прокатимся на верблюдице?

ОБРАТНО

Ты, как преступник, возвращаешься обратно,
но дело сделано — и ходу нет назад,
и, даже если не особенно приятно,
пьёшь в одиночестве невозвращения яд.

Та женщина была до ужаса нелепа,
но поцелуй её остался на губах
с тем странным вкусом расшалившегося лета
и с той печалью — как заноза — навсегда.

Другие листья шелестят на ветках тихо.
Другие люди, и у них другая жизнь.
Но как дурдом не может обойтись без психов,
так ты без этого не можешь обойтись.

Как улицы пусты безлунной белой ночью —
провинциальный сон! Случайные такси
стремглав несутся, громыкая, через площадь...
О, жизнь моя — дурдом! Но кто, скажите, псих?

ДУЭЛЬ

Ваш пистолет не дал осечки,
но выстрелил, конечно, мимо —
вмиг набежали человечки
закапывать мою могилу.

И опьянённые победой,
кидали бодро комья глины,
под суетой скрывая бледность
невыразимого бессилья.

Вот трамбанули быстро холмик
и, торопясь, пошли к машинам.
Потом ползли к дороге долго,
колёсами меня трясину.

И, выехав уже на трассу,
с довольным вздохом облегченья:
Ну, слава богу, отстрелялись!
Как будто кончились мученья!

А я стоял в дверях подъезда,
кура и улыбаясь глупо...
И краска на машине слезла
лохмотьями — как струпья с трупа.

СЕВЕРНАЯ КОРОЛЕВА

М. Ш.

Я бы лёг к вам на снег, что белей простыней,
и замёрз бы, как Кай, превращаясь в ледышку.
Не спеши, моя Герда, напрасно ко мне —
я уже не хочу быть весёлым мальчишкой.

Я уже не хочу восхищаться весной,
собирая цветы на лугах для любимой,
я — далёк от того. Бесконечный покой
в моё сердце проник обмороженно льдиной.

Я бесстрастен в безмолвии северных стен —
мне не нужен никто в одиночестве мысли.
Ничего не прошу: всё — пустое и тлен —
безобразно по сути, бесполезно по смыслу.

Я вошёл в этот холод безжизненных глаз,
в неподвижность зрачков, устремлённых
в пространство,
в гармонически строгую логики связь,
безупречно печальной, как крест христианский.

Я не верю в любовь. Я не верю в добро.
Сердце больше не бьётся в груди глупой птицей.
Только лёд — как стекло, только снег — серебро
так кристально чисты, что легко удивиться.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Попасть на остров. В одиночество одно.
Заняться делом. Привести в порядок мысли.
Лень-матушку свою пустить на дно,
и дни считать, как калькулятор числа...
до пятницы.

А в пятницу спуститься в тёмный трюм,
где в шумном шмоне пропивают души
и феромонами отравленный парфюм
всех призывает к обладанию подружек...
до понедельника.

Но в воскресенье утром, выйдя на крыльцо,
взгляд в бесконечность неба выражает слабость,
упавшую в опухшее лицо
не ангела, но что ещё осталось...
от него.

ЭХ, ВАСЯ!

От тела женского сердцебиение
моё ускорено до невозможности,
сообразительность на башне бдения
спит без понятия об осторожности.

Где разум, даденный отцом и матерью?
Где ясность знания и рассуждения?
Раз простынь белая нарядной скатертью
легла как облачко на синь весеннюю!

Раз ночка чёрная пожаром яростным
сожгла безжалостно путь отступления,
не возвращаюсь я, белея парусом,
на берег брошенный без сожаления!

ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ

Э. Б.

Один мой друг с моей женой ушёл,
другой мой друг — разбил мою машину,
а третий друг — «майданутый» хохол —
зачем-то шины жжёт на Украине.

Такая проза жизни, чёрт возьми!
Что за друзья? Куда от них деваться?
А напишу-ка повесть я о них
и назову — «Мои друзья-засранцы»!

Всё опишу: как пили вчетвером,
как девушек до дому провожали,
как мучал кризис — возраста облом,
свалившийся как куча с самосвала.

Я что-то рвал и помогал как мог
своим друзьям-приятелям бесценным.
Мужская дружба — это как бы бог,
которому мы молимся блаженно.

Нет вечного, как видно, под луной:
друзья меняются, становятся другими
и предают какой-нибудь весной,
с твоей женой гуляя в выходные.

И ничего я не могу понять:
ушла жена, раздолбана машина.
Последний друг остался у меня —
и тот совсем рехнулся в Украине.

МУЗАМ

Я ждал под вечер музу. Вот они пришли —
их было две — в хлам пьяны и распутны.
Кричали что-то громко. Знаешь ли,
я заплатил за их такси как будто.

Я был спокоен, как советский танк,
направленный в Берлин в начале мая,
но только думал, как случилось так?
Чего-то, видно, я не понимаю.

Одна из них полезла сразу в душ.
Мне кажется, ей было просто душно.
Вторую мучила немыслимая сушь —
я наливал ей виски простодушно.

Соседи били в стенки кулаком,
не попадая в «smoke on the water»,
иллюминатором в ночи светился дом
от песни муз про рокот звездолета.

И снилась мне зелёная трава,
и зайцы на косилках и комбайнах,
по швам трещала хиросимная кровать,
наураганенная близостью dead line'a.

Под утро эта парочка ушла,
оставив шпильки и помады тюбик.
Как колокол, гудела голова...
Поэзия — не фунт изюму, люди!

ЛУНА

Г. К.

Твоя кошечка любит, возможно, троллейбус,
а моя псина — исключительно только других собак,
и поэтому однозначность мужчины, как Феникс-пенис,
в одиночестве гордом не знает тлетворных «Ах!».

В женском платье так много смешного, излишеств —
чтобы скрыть в расхождении стройных ног
раскалённый зной,
и в восторге прыгают от их высочеств и их величеств,
получая в ответ «Шёл бы, милый!» и «Чёрт с тобой!».

У любви, как водится, на виду приметы,
словно в кошмаре лета шуришь от солнца напрасно глаз.
Каюсь, грешен — и я этим делом ловко в иголку вдетый,
безнадёжно болен хронически, как и сейчас.

Не ишу давно дыру в потайном кармане:
потерялась вся мелочь — да и зачем мне теперь она?
Клеопатра мне дарит ночь! И я тороплюсь на свиданье,
и блестит для меня на небе медаль — луна!

О БЕЗГОЛОВОЙ МРАМОРНОЙ СТАТУЕ, СТОЯЩЕЙ У ПРУДА

Я — статуя у грязного пруда.
Стою давно среди колонн замшелых,
так глупо выставляя своё тело,
что самому противно иногда.

Мне оторвали бошку! Без башки
мне кажется, что я уже не вижу,
и даже больше вам скажу — не слышу,
что говорят все эти дураки.

Но чем же думаю? И думаю ли я —
с одной рукой, у палки, в голом виде?
Наверное, любой бы смог обидеть,

ведь нет защиты больше у меня —
оградочка с натянутою нитью...
Повеситься? Но как? О, где башка моя?

ГОРОД

Н. Ш.

Этот город не злой, но провинция — зла,
гордо пыжится щит свой прибить на ворота,
и, естественно, город пошлет её «на»,
не по злобе своей, заведясь с оборота.

Итальянцы старались здесь камень сложить,
и на Рим получилось довольно похоже.
Правда, северный стиль и суровая жизнь
коррективы внесла серым кремом на кожу.

Вот селёдочку бабушка тащит к себе —
есть котяра на кухне, да и бабушка любит.
Попроси у неё рассказать о судьбе —
и, верняк, поразишься трагичности судеб.

Под глазами лежит тень спокойной воды,
что не вытравить самым весёлым загаром,
потому что без Питера нету судьбы,
если времени не обесточен угаром.

Здесь, конечно, не запад, и больше — восток,
ну а если бежишь, как узбек безотчизный,
значит, слаб оказался — валяй, старичок,
значит, мало что понял на празднике жизни.

Как везде — есть дерьмо — пусть плывет по Неве,
даже если она не впадает в Неглинку —
время всё унесет. День за днём на игле
крутит ангел на небе сырую пластинку.

БЕДНЫЙ КЛОУН

Л. Ю.

Зачем обманывать себя —
тем более, что не обманешь!
Не спрячешь правды — как змея,
та Роксолана в Сулеймане.
И я не думаю, что я
за чёрными очками скроюсь:
кругом достаточно жулья —
легко заткнут меня за пояс.
Стою с протянутой рукой,
немой, у вашего подножья,
а вы смеётесь надо мной,
зовёте ваше счастье — ложью...
Как плачет бедный клоун мой,
что не смеяться он не может!

ПЯТНИЦА

И. С.

Как хочется нежности, моя дорогая! Как хочется нежности!
Но мир меркантилен, безжалостен, холоден, будничен!
Скользишь по отрогам-оврагам, у края отчаянной бедности,
весь в мыслях дождливых, безрадостных, чёрною тучею.

Что ждёт нас, несчастных? Куда нас затащит нелёгкая?
Цыганка, раскинь мне картишки на счастье далёкое —
по тракту помчимся в пролётке, подруга моя ясноокая,
последние в мире — наивные и одинокие.

Что сделаешь — видно, судьба наша с привкусом горечи.
Трень-брень балалаечка в такт бубенцам-колокольчикам —
поехали, милая... Не макаревичи, не растроповичи,
но пусть в эту пятницу жизнь подмигнёт робинзончикам!

ЗАПИШИТЕ В ДОЖДИК!

К. Л.

Запишите в тёплый дождик — изласкаю ваше тело
лебедино, белокрыло мягким бархатным пером!
Бриллиантовых серёжек пусть надарит вам Отелло,
черномордно улыбаясь, «Беломор» курия при том.

Я ж не негр из знойных африк, из америк и австралий,
я далёк вниманья денег — кошелек всегда пустой!
Запишите в летний дождик — я шепчу вам гениально,
обнимая театрально и при этом — холостой!

Я порву в надрыве струны, я навру на сто тележек,
я утру любые слёзы из промокших ваших глаз!
Вы поверите, как Богу, как артисту на манеже:
только Шорников Серёга вечно любит только вас!

Вы развеситесь от клюквы — кислой ягоды болотной,
возбуждающей веселье, как шампанского бокал,
потому что в темя клюнет мысль, плывущая по водам
с белым парусом постельным, страстных нег
хмельной накал!

Отдохнёте после смерти! Пусть в котёл кипящий черти
бросят вместе тела белы, словно в брачную кровать!
Но пока денёчки эти солнышком дурацким светят,
я не буду оробело, как моряк, погоды ждать!

СЕРАЯ ТЕНЬ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

Ни ты, ни я — не дети, что невинны,
и не наивны так, чтоб нам в любовь играть.
Пути-дороги наши коротки ли, длинные:
как бы то ни было — им не сойтись опять.

Как колобки, мы катимся по свету
и песенки поём, оттягивая смерть.
Чему бывать — того не миновать! К ответу
не призовут ни волк, ни заяц, ни медведь.

Ещё разок спой песню мне, голубчик,
и удиви ещё разок своей весной!
О, да — ты можешь разогнать любые тучи!
О, да — любые тучи! Жаль, не надо мной!

Прощай, мой друг! О, как невыносимо
жить, никого на целом свете не любя!
Тень на стене, как после вспышки в Хиросиме, —
буквально всё, что мне осталось от тебя.

ЛЕДЯНОЕ

Мы оба одинаково холодные, как лёд.
Но, впрочем, льды с различных полюсов.
Сближение льдов мало, и не произойдёт
желанной встречи на известном месте у часов.

В тебе нет той болезненной потребности во мне,
что наполняет счастьем каждый день.
Ты, безусловно, снисходительна вполне,
поскольку связи нить тонка — ей не знакома тень.

Чем это кончится, не начинаясь никогда?
Вопрос как гвоздь — повесь на нём ответ.
А жизнь, струясь, течёт по капельке туда,
откуда, впрочем, выхода по-видимому нет.

МОЛЧАНИЕ

Не знающим любви, ни ласки, ни тепла,
таящимся в пыли бесчисленных ошибок
печально посвящаю откровенный хлам
всех извращённых слов — паралимпийских рыбок!

Вы жалуетесь мне, молчащему в ночи,
бесстыдно обнажив во тьме шуршащий полог,
и ваша жалоба бессмысленно кричит —
к ней равнодушен весь вечноблокадный город.

К ней равнодушно всё — от кончиков ногтей,
вцепившихся, как клещ, в ограду парапета,
до кончиков волос запутанных страстей,
разбуженных весной до окончания лета.

Бесстрастно, словно сфинкс, смотрю уныло вдаль
на дрожь свинцовых волн и рой кричащих чаек.
Создатель был неправ. Ему, наверно, жаль,
что так произошло — нелепо и случайно.

И, подводя итог, не буду осуждать
ни тех и ни других — ни глупых и ни умных.
Мне некуда спешить и не к кому бежать,
везде оно одно — дно погребальной урны.

МУЗЫКА СФЕР

О, музыка несчастных вечных сфер!
Печальная гармония звучит в моей душе.
Мне грустно потому, что выхода здесь нет,
являя горькой ситуации пример.

Бесценные слова обращены в ничто.
Сочувствия искать на жизненных волнах не стоит
никому.

Кричу от боли я, но крик летит во тьму,
в космическую высь, в застывший холод — лёд.

Зачем зовут меня священные слова?
Чей дальний голос произносит их? И какова их
цель?

Чья добрая рука качает колыбель?
Приходят звуки сфер — играй, ночной орган!

Играй! Пусть звуки льются! Пусть несут меня!
В далёкое туда, где берег и вода, деревья и песок,
где было счастье — в тех следах волшебных ног,
что лёгкий ветерок развеивал скользя.

О, если б знать! Но кажется, что знал...
Недвижим горизонт лежит далёкой полосой,
и облаков гряда несётся надо мной —
забвенья моего тоскующий причал.

ПРОГРАММА

Апоплексически верно
вбивая слова, как гвозди,
страдая волнением нервным,
сквозь слёзы смотреть на звёзды
в холодном оцепенении,
не зная, что будет дальше,
надеясь «до последних»,
не допуская фальши,
и слышать биение жизни,
и чувствовать смерть всей кожей,
плевать на безумие сильных
и бить подлеца по роже.
Страдая фигнёю и ленью,
с кровавой мозолью на сердце,
натёртой мечтою нетленной
бродяги и отщепенца,
слова отправляя клином
в полёт к берегам далёким,
в бессмертии быть великим,
и слабым, и одиноким.
Молчать в многолюдии улиц
и громко кричать в пустыне —
как может кричать безумец,
её выкликая имя.
Жить великолепной секундой,
скоропостижно мгновенной,
и знать, что не будет «как будто»,
и умереть, к сожаленью.

ВОЗЬМИ

Возьми моё сердце
с собой в свою даль,
куда ты помчишься
за призрачной долей.
Его ты отбросишь,
я знаю, а жаль!
Что ж, доля — важней,
а в сердце — нет пользы!

Мне сердца — не жаль!
Их во мне — сто пятьсот
подаренных мне
дорогуших сердечек,
поэтому я
не жалею своё
и щедро делюсь
им с тобой,
человечек!

СОДЕРЖАНИЕ

Пластмассовый меч.	3	Одинокая звезда	37
Не умею любить!	4	Романтизма мало!	38
Что нужно сделать?	5	Фантик	39
Беспредельное.	6	Второе пришествие.	40
Эльвира.	7	Кофе с Элей	41
На огонёк	8	Любитель женщин	42
Маленькая партия для альта .	9	Развод с карандашом.	43
Ты так хочешь любви?	10	Осеннее.	44
Облоченное	11	На вокзале	45
Горсточка лучиков	12	Маргарита	46
Не хочется кьянти и мартини.	14	Без солнца	47
Грехопадение	15	Оно	48
Подколотная змея	16	Наша жизнь	49
Лесбиянка	17	Призрак логики	50
Доктор	18	Итак, Итака	51
Лебединое	19	Конец света	52
Это — Питер дорогая!	20	Марианская впадина	53
Одиночество	21	Кошки-мышки.	54
Проходимец	22	Несерьёзное	55
Снег.	23	В тайгу	56
Зал ожидания	24	Осенние символы.	57
Одно словечко.	25	Пропать	58
Бросила жена	26	Слабость	59
Мотылёк	27	Плацебо любви	60
Возможно	28	Бессмертное братство	61
Сейчас	29	Наблюдатель.	62
День Валентина	30	Фиолетное	64
Я хотел бы быть женщиной .	31	Куклы	65
Небо в колодцах дворов . . .	32	Восхищение гобойной настройкой	66
Сходим с ума	33	История уборщицы.	67
В аллеях	34	Невинность	68
Праздник в городе	35	Вино как любовь	69
Хранитель музея	36		

Одной дорогой женщине . . .	70	Северная королева	88
С улыбкой на устах	71	Воскресенье	89
Обида	72	Эх, Вася!	90
Мадригал	73	Последний друг	91
Французский бульдог	74	Музам	92
Два полюса	75	Луна	93
Загадка	76	О безголовой мраморной статуе, стоящей у пруда . .	94
Космические бредни	77	Город	95
Золушка	78	Бедный клоун	96
Прощай, лето!	79	Пятница	97
Вот и встретились, девушка! .	80	Запишите в дождик!	98
Погремушка	81	Серая тень на белой стене . .	99
Соляной столб	82	Ледяное	100
Сарынь, на кичку!	83	Молчание	101
Счастье	84	Музыка сфер	102
Верблюдик	85	Программа	103
Обратно	86	Возьми	104
Дуэль	87		

Литературно-
художественное издание

Лабытнанги
БЕЛЫЙ АЛЬБОМ

Верстальщик *Н. А. Вознесенский*
Корректор *С. К. Бабинская*

Подписано в печать 18.11.16. Формат
125 × 200 мм. Тираж 100 экз. Ори-
гинал-макет подготовлен в ООО
«Издательский дом „Коло“». 197198,
Санкт-Петербург, пр. Добролюбова,
д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru.
Отпечатано в ООО «Инжиниринг
Сервис». 190020, Санкт-Петербург,
ул. Циолковского, д. 13–15, лит. Д,
пом. 22, 23н. www.ingservi-print.ru

9 785446 200825 >

ЛАБЫТНАНГИ

БЕЛЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2016

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Л12

ISBN 978-5-4462-0082-5

ПЛАСТМАССОВЫЙ МЕЧ

Мои герои — не орлы скалистых гор:
обыкновенные и маленькие люди,
и робких чувств свои банальные прелюдья
они на блюде преподносят для Линор.

Пусть больше нет её! В своих безумных снах
они отчаянно сражаются с судьбою
и превращаются в неистовых героев,
храня единственное имя на губах.

Как их романтика нелепа и смешна!
Их меч пластмассовый лишить не может жизни,
той, что не стоит, безусловно, ни гроша!

И я — их выдумавший всех — не старшина,
что издевается над ними с укоризной,
я сам — резиновая слабая душа.

**НЕ УМЕЮ
ЛЮБИТЬ!**

О. Ш.

Я не молчал.
Просто я
тысячу раз про себя
имя твоё повторял.

Я не смотрел.
Зачем?
Я навечно запомнил
линию тонкой твоей руки.

Я был жесток — это есть.
Но жестокость ничто
перед нежностью
мягкой щеки.

Я не умею любить
(может быть, так как все),
но, когда ты уйдешь,
моё сердце солдата
умрёт от тоски.

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ?

Что нужно сделать, чтоб достучаться?
Вскрыть тихо вены?
В петле болтаться?
На амбразуру ложиться грудью?
Снаряд последний забить в орудье?
Перенапрячься?
Перенагреться?
Серпом по яйцам?
Ножом по сердцу?
На гильотине петь Марсельезу?
Тортиллой в тину?
Ракетой в бездну?
Тротила мало и аммонала —
уран — покруче —
чтобы забрало!
Чтобы задело
вегетарьянца
порывом нервным протуберанца!
Чтобы под поезд —
как в ЗАГС —
с цветами!
Чтоб в мавзолеях греметь гробами!
И не бояться огня оваций!
Что нужно сделать, чтоб достучаться?

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

К. Б.

Цветите, барышня, мечтою розовой
под шёпот ласковый и шелест денежный
у моря тёплого под веткой пальмовой,
а не под ёлкою, хрустя бананами
неаппетитными, совсем несвежими!

Целуйтесь, барышня, с весёлым мальчиком,
таким проказливым и обольстительным,
и к вам несказанно предупредительным,
чтоб вам с наказаниями грозили пальчиком,
предосудительно кипя, родители!

Царите, барышня, в цветах и юности,
в успехах, вьющихся над вашей личностью,
в ошибках путаясь со страшной глупостью!
Всё — ваше, барышня! До беспределности!
И — кратковременно до неприличия!

ЭЛЬВИРА

Е. М.

Дорогая Эльвира! Вы ушли с генералом.
А могли бы с банкиром, если б он захотел.
Генералов — навалом! И банкиров — немало!
И в мундирах министров всяких пакостных дел.

Дорогая Эльвира! Вспоминая Шекспира,
курит нервная лира, беспокоя Минздрав.
У поэта нет денег на расцвеченный веник
из безумно волшебных экзотических трав.

Дорогая Эльвира! У поэта квартира
чуть побольше сортира, без особенных благ.
Игнорируя телик, педалирует велик
и спешит по пунктиру: виски, ром и коньяк.

Дорогая Эльвира! Видно, непоправимо,
вы ушли с командиром, бросив в грязь алый флаг.
Я бы отдал полмира, дорогая Эльвира,
но рыдаю в чернилах, как Борис Пастернак!

НА ОГОНЁК

Е. Л.

Я залетел сюда — как мотылёк на огонёк,
хотя далёк от мотылька мой тёмный образ, —
здесь привлекательная пара женских ног
остановиться заставляет, словно тормоз.

Поэтому я пристально влезаю вам в глаза
и несусветной чушью развлекать пытаюсь.
Скрывая, разумеется, что мог бы я сказать,
ведь вряд ли я смогу вносить в арт-хаус хаос.

Что вас влечёт по волнам жизни? Кто бы это знал!
Так вдаль куда-то плыть Колумба звал причал.
Я полагаю, что не всё у вас так гладко.

Кругом так много небезгрешных рыбок-прилипал!
Но я не с ними... Соблюдая ритуал,
свои секреты спрячьте в тайную тетрадку.

МАЛЕНЬКАЯ ПАРТИЯ ДЛЯ АЛЬТА

М. М.

Как скромнен добрый альт!
И тих, и так серьёзен!
Как незаметен труженик
в бушующей толпе!
Я положу на грудь
грусть белой чайной розы —
пусть как-нибудь потом
он вспомнит обо мне.

Мне тоже не судьба
на квинту приподняться,
чтоб обратить внимание,
да и зачем оно?
Натянута струна
и ждёт, волнуясь, пальцев —
пусть как-нибудь потом
он мне сыграет, но

пусть только не сейчас!
Пусть только не сегодня!
Пусть лучше обожгут меня
сто безобразных грамм!
И пусть безбожник я,
но милостью Господней
пусть как-нибудь потом...
Потом... И аз воздам!

ТЫ ТАК ХОЧЕШЬ ЛЮБВИ?

Ты так хочешь любви!
Твоё тело — пустыня, иссохшая в зное,
каждой трещиной серой пыля, ожидает дождя —
проливного дождя!

Ты так хочешь любви!
Ты бессмысленно мечешься зря, паранойно.
Ты так хочешь любви! Ты так хочешь любви?
Только где та любовь для тебя?

Ты так хочешь любви!
Бороздя, суетясь, разгребая,
ты разводишь мосты, отрубает хвосты,
расставляешь посты под зонты на фронты.

Ты так хочешь любви!
Мерзлота Воркуты в горностае,
нагреваясь, ползёт до Китая,
до последней черты — рокового креста! И кранты!

Ты так хочешь любви!
Для тебя без неё невозможно
ни присесть, ни прилечь, ни привстать,
ни вздохнуть — вот такая беда!

Ты так хочешь любви!
Ты так хочешь любви? Ты так хочешь?
Ты так хочешь любви? Ну а я — не хочу!
От тебя! Не хочу!
Удивительно, да?

ОБЛОЧЕННОЕ

Л. Ю.

Меняешь облики, как тучки-облаки,
на аватарочке в окошке сайтика,
роняя отблески на шёрстку коврика,
ступая лапками, ты ходишь мягенько.

Твои конфеточки влекут, как девочки —
они так сладеньки и шоколадненьки,
но не для мальчиков — искать им нечего:
ни капли водочки в покоях гладеньких.

Не всем чудовищам — цветочек аленький,
для превращения — от змея яблоки.
Молчу в смущении сибирским валенком,
ломаю мостики и жгу кораблики.

Но сходят ролики у братцев-кроликов
под вечер в пятницу на воскресение,
и дают колики на брюшко, кроме как
здесь в тихом домике с мечтой весеннею,

под шелест вязовый, под шёпот облачный
легко так дышится, и с тонкой книжицей
взлететь над лужицей нам ангелочками,
и в небе блоковом ещё увидеться.

ГОРСТОЧКА ЛУЧИКОВ

А. Б.

Взгляд темнеет поручика:
где взять горсточку лучиков,
ярких солнечных зайчиков
для отчаянной девочки?
Не достать в магазинчике
у блондиночки Зиночки,
и на рынке у мальчиков
не купить за копеечку.

Потому что нет солнышка
для измученных золушек:
за пшеничное зёрнышко
жизнь навек искалечена!
Сумасшедшее времечко
бьёт кувалдой по темечку,
и до самого доньшка
рассекается трещина.

Горько плачет соловушка
над моею головушкой!
Совершенно беспомощны
заблужденья вчерашние.
Отстранённо домашние
смотрят в даль стоэтажную:
абсолютно безоблачно
над лесами и пашнями.

Эх, мальчишки-поручики,
вас под белые рученьки
поведут помаленечку
и поставят в линейчку
под кровавую стеночку
в лапы мягкие ельничка,
не оставив лазеечки
для надежды на лучшее.

НЕ ХОЧЕТСЯ КЪЯНТИ И МАРТИНИ

Л. М.

Я хочу быть летом в лёгеньком прикиде,
где-нибудь под пальмой взгляд отправить вдаль
в дымку голубую моря ли, залива —
это ведь не важно... Как мадам де Сталь,

я сентиментально напишу про осень,
пасмурное небо, серый дождь и грязь,
птицы улетают, и с полей колхозных
топают крестьяне, громко матерясь.

Возле магазина спит мужчина в луже —
глупый мужичонка, видно, перебрал.
Парочка старушек как-то неуклюже
курит с едким дымом «Беломорканал».

Дяденька с востока предлагает дыни,
яблоки, арбузы, прочий разный плод...
Что-то расхотелось къянти и мартини.
Окунусь в бассейн — может быть, пройдёт?

ГРЕХОПАДЕНИЕ

А. Р.

Ты хочешь увидеть Бога?
А я — «Ягуар» и водку!
Ты Богу налей немного —
у Бога засохла глотка.

Давай причастимся вместе
в особой глагольной форме
на вздыбленном Эвересте,
который ещё не сломлен.

Поверь мне, как Ева, змею,
что зло и добро — свобода,
дающая, к сожаленью,
не нам золотые всходы.

Во тьме Марианской дырки
призывно и ярко светит
фонарная похоть цирка
для клоунов небессмертных.

И мне наливая водку,
ты смотришь в глаза так долго...
Ну, что ты молчишь, красotka?
Ты хочешь увидеть Бога?

ПОДКОЛОДНАЯ ЗМЕЯ

Л. М.

Не стоит жалить всех подряд!
На всех подряд — не хватит яда!
Пусть говорят мне, что я — гад!
Я жалить рад — не быть мне гадом!

Мои змеючие глаза
глядят доверчиво и добро.
Когда ужалю — будешь знать,
как нежно любит злая кобра.

Как белки, прыгают врачи —
но не помогут клизмы, шприцы!
Кого угодно огорчит
безжалостный укус убийцы.

Я уползу в свою нору,
залягу в сладостной истоме...
А если что — я отопрусь:
скажу — не выходил из дома.

ЛЕСБИЯНКА

Е. К.

По-эмигрантски хочу на Лесбос,
но не пускают парней на остров.
Так что же делать? Прикинусь девой —
не остановят меня так просто!
Я любопытен — как сто китайцев!
К Сафо проникнуть давно мечтаю
на девоостров, но иностранцев
не допускают до женской стаи.
Куда деваться? Учю лесбийский.
Узнал два слова. За триста баксов.
Пошёл к хирургу. Ответ — как выстрел!
Я ж безрассуден — как сто Аяксов!
Спасите, доктор в халате белом!
Отрежьте орган, пришейте сиськи!
Стал трансвеститом. Дурное дело.
Зато я с телом вполне лесбийским!
Накрылся тазом мой счёт в сберкассе —
отдал за лайнер альтруистично.
Лечу на Лесбос. К Сафо. В экстазе,
как лесбиянка, или почти что.
Не по-лесбийски — на чистом русском
я объявил всем, что в гости еду —
к Сафо-поэту, но тётка в блузке
сказала: «Чудо, её же нету!»
Все в самолёте, рыдая, ржали,
стучали по лбу, крутили пальцем...
Да, мазанулся я нереально!
Пойду повешусь. Как сто спартанцев.

ДОКТОР

Л. М.

Я раздеваюсь и терплю.
Он лазит пальцами по телу.
Другому — тут же бы влетело!
А я как будто оробела...
Неужто доктора люблю?

Ну почему я так туплю?
Ведь доктор — так себе мужчинка:
халатик белый и ботинки.
А я, как дурочка, стою!
За что я доктора люблю?

Вот приглашали к королю,
а я — я не пошла чего-то.
Мои приятели с работы
ругались три часа до рвоты!
А я — я доктора люблю!

Любовь подобна журавлю!
Поправиться я не желаю!
Твержу три слова попугаем,
не внемлю никому, глухая.
Я доктора люблю. Люблю!

ЛЕБЕДИНОЕ

К. Л.

Подумать о тебе...
Представить взгляд, фигуру.
Представить поцелуй,
упавший с тонких губ.
И тихо сожалеть,
не изменив натуре,
что каждый обалдуй
с тобой быть может груб.

Сердечко, словно воск,
стекает в пламень свечи,
которая, увы,
не может не гореть!
И потому мой мозг
смешного человечка
словечек бытовых
тебе кидает медь.

ЭТО — ПИТЕР, ДОРОГАЯ!

Е. Л.

Это — Питер, дорогая. Это — Питер!
Не Москва. Не Сингапур. Не Нагасаки.
Здесь в окошках отражённый небожитель
под счастливою звездой и не во фраке.

Это — море, дорогая. Это — море!
Ты с Дворцового легко увидишь верфи!
Под мостом — Нева разводит тонны соли,
на мосту — зеваки с палкой лепят селфи.

Это — север, дорогая. Это — север!
Не Париж. Не Сан-Франциско. И не Лондон.
Атмосфера, расслабляющая нервы,
и холодный ветерок моей свободы.

Это — люди, дорогая. Это — люди!
Старички. Старушки. Дяди. Тёти. Дети.
Здесь не принято надеяться на чудо,
но в беде тебя поддержат люди эти.

Это — небо, дорогая! Это — небо!
Вечный дождик. Чёрный зонтик. Белый плащик.
И когда уйдем с тобой навеки в небыль —
кто ж ещё нас пожалеет и оплачет?

ОДИНОЧЕСТВО

В одиночестве полном,
в безысходности жуткой,
с невозможною болью
жизнь зашла на минутку

и ушла, не простившись,
не оставив надежды.
Жизнь была только жизнью —
так всё было и прежде.

Я мечтал о напрасном —
все мечты рвались в клочья.
Мой белеющий парус
стал темней чёрной ночи.

И последним аккордом,
завершая картинку,
был твой взгляд — слишком гордый
для лица с фотоснимка.

ПРОХОДИМЕЦ

Л. Ю.

Я пролезу в любую щёлку,
проползу сквозь любые чащи,
чтоб поправить небрежно чёлку,
стану нищим, пропащим, падшим!

Парафразом пройдуся по фризам.
Словно кошка — шмыгну в окошко.
Буду скромным и некапризным —
проходимец-воришка-мошка.

В пару с белым и с шоколадкой
(это будет моим паролем)
я оградку с защёлкой гадкой
без труда, как консервы, вскрою.

Хочешь, милая, — буду милым?
Если хочешь — сыграем в карты!
Я могу проиграть полмира!
Я — могу! Я такой азартный!

СНЕГ

Т. С.

Мы шли по снегу в никуда.
Точнее, в место для свиданий
для тех, кому одна звезда
печально светит, не мигая,
не обещая светлых лет,
но гарантируя минуты,
и, вероятно, этот свет
мог осчастливить почему-то.
А снег бесшумно шёл и шёл,
порхая белокрылой птицей...
И было очень хорошо,
хоть долго не могло продлиться.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Н. Б.

Восемь часов дороги
под перестук колёс.
Это совсем немного,
чтобы любить всерьёз.

Это совсем немало,
чтобы в ночном пути
с официанткой пьяной
мысли твои мутить.

Вряд ли кто знает больше.
Больше, чем ты и я.
Может, ночная площадь,
площадь вокзальная?

Может, пустыни улиц
неосвещённые?
Что им те поцелуи
невозвращённые?

Я б миллион историй
выдумал для тебя —
рот разевай просторней,
зал ожидания!

ОДНО СЛОВЕЧКО

Н. А.

О, кто из нас не предавал хоть в самом малом —
пусть с виду контр-адмирал и славный малый?

О, с виду все — богатыри в божественной стае,
но повнимательней смотри — ведь не слепая!

Но, собственно, к чему слова — стихи и проза?
От них так пухнет голова — как от склероза.

А жизнь рутинна и скучна до отвращения,
как Салтыкова-Щедрина роман для чтения.

Поэтому я не стыжусь ни слов, ни дела —
всех глупостей нелегкий груз взорвёт Отелло.

Я смутно излагаю мысль, но не без смысла —
у каждого есть пара крыл для коромысла.

А вы на Божьих небесах одно словечко
замолвите при не бесах за человечка.

БРОСИЛА ЖЕНА

Когда тебя внезапно бросила жена —
ушла к другому и противному субъекту,
то в том совсем не виноватая она:
любовь не может оставаться безответной!

Ты не любил её. Ты на неё плевал.
Считал её девчонкой неприметной.
Ты просчитался. Ты ошибся, дуремар!
Любовь не может оставаться безответной!

А тот, другой, ждал целых двадцать долгих лет,
и был ей предан, словно рыцарь, беззаветно!
Он так любил её, что от любви немел:
любовь не может оставаться безответной!

Пусть этот грех осудят все твои друзья,
применят санкции, угрозы и наветы.
Но если любят двое — справиться нельзя:
любовь не может оставаться безответной!

Перед твоим лицом закрылась плотно дверь.
Она ушла, как Крым, и все потуги тщетны!
Найди свою любовь — и полюби! Поверь,
любовь не может оставаться безответной!

МОТЫЛЁК

Какая польза от смешного мотылька?
Забавно наблюдать его спокойным взглядом:
он бьётся о стекло, но зря! Наверняка
не видит, глупый, что окно открыто рядом.

И дело, видно, не в распахнутом окне —
поэтому так цель смешна и непонятна.
Хотя ведь он привлёк внимание вполне,
и, может, эта мысль так для него занята?

Не бойтесь! Избегая ваших глаз,
солдат на смерть не посылает мой приказ —
я не стараюсь беспокоить вас напрасно.

Хотя так трудно избежать соблазна
и опуститься в мыслях до маразма,
до неpotребности отпугивая вас.

ВОЗМОЖНО

Т. С.

Куда теперь спешишь мелькнувшая, как талая вода?
Мне за тобою не успеть из грешного зиндана.
Возможно, что к тебе отходят постоянно поезда.
Возможно, я опаздываю тоже постоянно.

Возможно, в те далёкие края летает и плывёт
какой-нибудь невероятно безотказный транспорт.
Возможно. Но, скорее, вряд ли. И совсем наоборот —
и мне никак не одолеть препятствие пространства.

На каждом перекрёстке улиц, у ларьков на площадях
я смутно вижу тень твою, скользящую куда-то.
Мне, дорогая, не догнать тебя. О да, возможно, я
не тот, кто хоть откуда возвращается обратно.

Я представляю незаметное касание руки,
случайный взгляд, в который я бросался, словно
в омут.

О, боже мой, как стайки мыслей тех безумно далеки
и так близки, что в памяти бездонно не утонут.

Тебя, возможно, больше нет нигде, а значит, и меня
на лдыне одиночества, плывущей к точке «полюс»,
которую бы я, возможно, ни за что не променял
на точно же такую, ни о чём не беспокоясь.

СЕЙЧАС

Ю. Р.

Я так люблю это тёплое лето
и наблюдать радость пристальных глаз.
Я понимаю, что кончится это,
когда-нибудь кончится, но не сейчас.

Нас расстояния разъединяют.
Не получается что-то у нас.
Я понимаю, любимая, так не бывает,
всё, может, сбудется, но не сейчас.

Мы расстаёмся, надеясь на встречу,
ждем с нетерпением её всякий раз.
Я понимаю, что жизнь скоротечна,
и кончится всё это, но не сейчас.

Жизнь коротка и так невероятна,
мост через вечность даётся лишь раз.
Я понимаю: вернуться обратно
возможно, наверное, но не сейчас.

Где-то на небе живет добрый ангел,
с тихой улыбкой он смотрит на нас.
Прошу, дружище, исполни простое желание
хотя бы одно, но сейчас.

ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА

Нарисую красным сердце,
подпишу «С днём Валентина!»
и, подобно иноземцам,
оближу полколлектива,
а потом, придя с работы
и стерев с лица помаду,
грустно станет отчего-то,
и не весело, как надо...
Забегу к соседу Ваньке —
врежем быстренько по «сотке».
Протоплю тихонько баньку
и по огороду — к Соньке!

Я ХОТЕЛ БЫ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

И. С.

Я хотел бы быть женщиной — обольстительной
стервой,
развращённой девкой — вся в шелках и парче,
омерзительно скверной, словно автоцистерна,
королевой-принцессой — беспринципной вообще!

Я б прикинулась ловко бестолковой — как пробка!
Обаятельной душой я б вошла в вашу дверь,
чтобы подлость и жадность разнесла вам голову
и сгубила б, как водка, мозг крушащая херь.

Я б направо-налево развела кавалеров
на подарки, цветочки, яхты, виллы, дворцы!
Обсвинея Цирцеей, замудрила б Минервой,
чтоб они обрыдались, мужики-подлецы!

Я была бы капризной, леденеющей клизмой,
приз зари коммунизма, визгом в трубке «алло!»,
вся — цинизм феминизма и победа харизмы!
Но я — просто мужчина... О, как мне повезло!!!

НЕБО В КОЛОДЦАХ ДВОРОВ

О, кто там угодно, но только не я
мотался по городу вашему, заселённому
трупами.

Вы зря о спасеньи молили меня —
вы просто меня с кем-то спутали.

Вы ищите небо в колодцах дворов,
и в вое волчином вам чудится нежная музыка.
Вам нужно лечение других докторов
и дружба собачья от пёсика Тузика,

вниманье, участие и что-то ещё
достойное, совершенное, абсолютно полезное,
причём запрещается даже имя её!

Халява здесь! Люди нетрезвые!
И мозги, как молот, крушит бытиё —
постели несвежие и обои облезлые.

СХОДИМ С УМА

Давай сойдём с ума! Сойдёмся как безумцы.
Мы вскроем лихо вены: ты — мне, а я — тебе.
Как Герцен с Огарёвым мы клятву вольнодумцев
дадим для сумасшедших на маленькой горе.

Полюбим нежно пытки: цепями свяжем тело,
когтями вырвем глазки — нам, психам, всё равно!
Серийные убийцы взглянуть на нас не смеют:
от ужаса немеют, бегут толпой в дурдом!

Вампиры так бледнеют (что даже невозможно!)
и всаживают в сердце осины острый кол.
Сойдёмся как безумцы! И это так несложно,
раз нет других занятий с тобой, прекрасный пол...

В АЛЛЕЯХ

Бродил по аллеям, тоскуя, в желаньях алея и тая,
и Бродскому вторил в непрошенных мыслях печальных.
В заброшенных дебрях, во мраке забытых развалин
костями звенел кастаньетно с надеждой случайной.

Нахохлившись, ждал появления ангелов в райских
одеждах.
Они не пришли, как обычно. Я понял. Укутанный
дёрном
забывчивый классик о вечном навевал мятежно,
вздыхал, сожалея о времени — диком и нервном.

Его паруса забелели за дымкой далёкой, туманной,
но не разглядеть ничего, бесполезно — как твиттер.
Послушай, приятель! Возьмём по стакану желаний
и выпьем за всех горемык с нежной родиной — Питер!

ПРАЗДНИК В ГОРОДЕ

О. Ш.

Сегодня праздник в городе моём:
и площади — в сверкающих огнях,
и толпы шумные — в преддверии утех,
и музыка, и балаган, и громкий смех,
и карнавал, и ярмарка — для всех,
и девы яркие с улыбкой на губах!

Сегодня всё я посвящаю — вам!
Все жесты, маски театра моего готовы
вам — всё отдать, вас — развлекать,
заставить так переживать, чтоб снова
хотелось вам игру весёлую продлить —
пусть волшебства не разорвётся нить!

И, может, вы забудете и горечь, и беду,
и вечные обиды, неудачи.
Я постараюсь. Я найду слова. Я отведу
всё то, что слишком мало в жизни этой значит.
И очень рад я с вами быть вдвоём...
Сегодня праздник в городе моём!

ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ

А вы — не писатель? А вы — не читатель?
Нет, я — разгильдяй и хранитель музея!
Обычный мечтатель и не обыватель!
Читайте, завидуйте мне, ротозеи,
когда я по струнам в тоске лорелейной,
как будто по нервам, железом по стёклам,
чтоб громокипяще и вихревраждебно,
чтоб вздрогнули мухи на выцвевших окнах,
в рассеянном поползне соннозамшелом,
чтоб вскинулись руки на статуях белых,
и вскрикнули в муке отчаянья бедном!
Вы так утомились в спокойствии сером?
Вам хочется неги без снега, но боги —
в бегах и забыли в напряге дороги,
а критика Крита криклива во многом.
Пожалуйте, барышня, в тёплые воды,
на терпкие вина и воздух пьянящий!
Атласные платья шикарно манящи,
но вряд ли заменят мне чувство свободы!
Прощайте, моя дорогая! С надеждой
я буду рассматривать яркий гербарий!
Не стоит разучивать новый сценарий,
актеры — в ударе, но зрители — те же.

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА

Как звезда — одинокая, бесконечно далёкая,
то в Париже, то в Падуе, то в Стокгольме, то в Хельсинки,
и стихов мои лесенки и дурацкие песенки
вас нисколько не радуют и вам не интересные.

Серостайкой воробышков развзъерошил я перышки
 весь в ребячьей наивности, в любопытстве невежества,
 Вашей Светлости нежности ждал напрасно, как
 праздника,
 как мессии явление невозможно чудесное.

Страсти кратко мгновение, а любовники — нервные, вечно злы и безжалостны, без спасибо-пожалуйста. Я растерян в сомнениях, но, пожалуй, что временно, и, надеюсь, доверие заслужу ненапрасное.

РОМАНТИЗМА МАЛО!

Вы наденете бальное платье.
Я напялю жабо в кружевах,
и, мечтая о мягкой кровати,
буду нежно смотреть вам в глаза.

Романтично, как лорд Д Г Байрон,
я скажу: Дорогая мадам!
Жизнь мне кажется грязным кошмаром,
но я вас никому не отдам!

Вы тактично потупите глазки
и заметите скромно: О, да!
Я — принцесса Изольда из сказки,
жду Тристана, сжигая года!

И тогда я с букетом и песней
(это будет специальный романс!)
восхищенно паду на коленки,
чтобы скрыть блеск своих хищных глаз.

Романтизма, — вы скажете, — мало!
Вот засада! Но где же прокол?
И постельная сцена пропала,
улетев далеко-далеко...

ФАНТИК

Ваши губки всегда чуть влажные.
Ваши волосы пахнут вереском.
Вы печальная — как адажио.
Ну, а я — пень пнём! — пробавляюсь хересом...

Вы с улыбочкой — словно феечка.
Ваша талия — тонкой тросточкой.
Вы такая смешная девочка!
Ну, а я — пень пнём! — занимаюсь с водочкой...

Вы — создание бесподобное:
зубок в ряд отряд белых слоников,
сексапильное тельце сдобное!
Ну, а я — пень пнём! — джин мешаю с тоником...

Ваши глазки блестят — как пуговицы,
смотрят нежно, как утро доброе,
навевая мне звуки музыки.
Ну, а я — пень пнём! — виски пью без содовой...

Вызывая упрек общественный
поведением злонамеренным,
знаю я, что в головке — девственно...
И поэтому пива я взял — немерено!!!

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

О. III.

Конечно же, стану я старой развалиной,
обломками жалкими древней империи.
Домашний тиран, — скажете вы, — хуже Сталина,
и весь из ошибок мечтательных дедушки Ленина.

Недвижно смотрю ваши телодвижения,
но рыбок золотых не ищу в поплавок колебании,
скорее, черпаю по мере своё вдохновение.
О женщины, женщины! Вы — преступление
и наказание!

Из тьмы-тараканьиной в тьму-вековечную
напрасно и зря посылаю сигналы без адреса:
бездарно, но как-то люблю вас, моя человечная —
пусть это звучит, может, слишком безрадостно!

Мои Капитолии не терпят Всевышнего,
а ваши потребности — как сумасшествие!
И всё-таки девушка вы — необычная,
и вы для меня — как второе пришествие.

КОФЕ С ЭЛЕЙ

Э. Б.

Драмы скрываются в утреннем кофе,
в булочках с маслом, в хрупких печеньях.
Жизнь разбивается так, между прочим,
как пересадка в маршрутах подземных.

Взгляды коснулись на миг. Разбежались.
Две электрички прошли параллельно.
Тесно, наверное? — Сердце сжималось,
каплю за каплей цедило бесцельно.

Пей одиночества терпкую горечь
в шумной толпе и спокойствии ночи!
Время — не лекарь. Ничто не подействует!

Что вы хотите, моя дорогая?
Рая, увы, на земле не бывает,
не ожидает и Царство небесное!

ЛЮБИТЕЛЬ ЖЕНЩИН

Я люблю эту женщину.
И вот эту — люблю.
И вот эту, конечно же, —
чем плоха? — говорю.

И вот тех — в поликлинике —
не старухи ж пока!
И вот тех, вон тех — длинненьких,
тех троих у ларька.

Вот ещё ту — с собачкою,
и вот эту — в пальто.
Я люблю всех их пачками,
поездами метро.

Но они недоверчивы
и не верят любви!
Эх, товарищи женщины!
Почему не мои?

РАЗВОД С КАРАНДАШОМ

Карандаш, мне, конечно же, жаль!
Карандаш, я с тобой развожусь!
Ты узнаешь, как горька печаль.
Я почувствую тихую грусть.

Исписался ты, милый, в конец!
Разведёмся — не будем страдать!
Ты — совсем недостойный отец!
Я — совсем никудышная мать!

Невозможно же жить не любя!
В ЗАГСе мы уничтожим союз:
ты — распишешься сам за себя,
я — тобою в листке распишусь.

Выйду замуж я за пылесос!
Он — полезный и ценный предмет:
целоваться умеет взасос!
Что — молчишь? Ну? Что скажешь в ответ?

ОСЕННЕЕ

А. М.

На улице — ветрено,
а на душе — муторно.
С утра во рту приторно —
от кофе я в ступоре.
Вскройте мне вены штормом!
Рому, Дарби Мак-Гроу!
Рому! — хрипит аорта,
комом встречаая в горле
в сумраке пасмурной комнаты.

Я рисую портреты
в грёзах орнаментальных,
награждая скелеты
тремора орденами.
Литры грязного брома
сброжены спёртой грудью.
Метры до гастронома
простреляны из орудий
профессионально от двери дома.

Ортопедически верно
осень крадется рядом,
листья срывая нервно,
взглядом шепча «не надо».
Храм сентябрём разграблен
вдребезги и напрасно.
Грабить, парадоксально,
грабить — это прекрасно
кречетом быстрым в россыпи спален.

НА ВОКЗАЛЕ

О. Ш.

И снова — в слякоть, в дождь! И снова — в ночь!
И темень за окном развозят электрички.
Последний взгляд. И поцелуй. И — прочь!
И гаснут на ветру сырые спички.

И вечен мой конверт, и не отправлено письмо,
и мне не хватит жизни объяснить минуту.
Как лист — меня по воздуху несло,
но не раскрылся хвост цветного парашюта.

И лопнул космос, как воздушный шар;
и многолюдным стал вокзал, и чёрным;
и, словно мамонт, уходил состав, отстёгивая пар.

А я — остался. И не смог уехать с этим скорым.
Дрожали рельсы, рвались вслед, туда,
где «красный» изменился на «зелёный».

МАРГАРИТА

Как дура, полдня провела в «Ив Роше»
и дрянью какой-то намазала тело.
Я сильно хотела, чтоб я полетела
и чтобы летела бы я — в неглиже!

Всю жизнь прожила на втором этаже!
Я не Маргарита и не Катерина,
но хочется броситься в омут с обрыва:
муж, дети, работа — достали уже!

Есть дьявол в Казани, но ангел — в душе!
К нему бы ушла, но дорога закрыта:
я не Катерина и не Маргарита,
и чёрт мне не брат — не берёт в протезе!

На Лысую гору в крутом вираже!
Чтоб мачта — скрипела и тело — летело!
И Родина б пела, как Фицджеральд Элла,
и я б не потела в своем неглиже!

Пусть скроются твари в глухом блиндаже,
когда пролечу я, как Юрий Гагарин!
Поехали, дьявол! Казанский татарин
товарищем будет в ночном кутеже.

БЕЗ СОЛНЦА

Встречаемся случайно и без солнца,
и обсуждаем долго — новости, друзей.
А мне так холодно, когда она смеётся,
и улыбнёшься ей — как будто всё о'кей.

И балагуришь, а внутри — что в яме:
темным-темнёненько — ни проблеска, ни зги!
И мне невесело, и голова в дурмане.
Напиться, что ли, от печали и тоски?

Бреду по лужам, дождиком гонимый.
Скребутся кошки и когтями душу рвут.
Ну, не везёт в любви! Опять не полюбила!
Но почему же к ней я, как дурак, иду?

Стрельнул на остановке сигаретку.
Чего страдаю, пропадаю без конца?
А что, действительно? Пойду-ка лучше к Светке!
Само собой — возьму бутылочку винца.

ОНО

Мы видеть мир хотим таким, как мы хотим,
но он устроен, к сожалению, по-другому.
Неудовлетворенность наша, связанная с ним,
никак не может обрести себе покоя.

Нам хочется любить объект своей любви,
но близлежащие субъекты не подходят,
а где-то близходящих не рассматриваем мы —
проходим мимо, что необъективно вроде.

Нас манит и зовет непостижимо то
скользящее, как лунный свет своей дорожкой,
одетое фантазией в блестящее пальто,
неукротимое, с повадкой дикой кошки.

Оно под тем пальто скрывает жажду встреч,
тоску печальную любви во взглядах нежных,
стремление сдавшись покорить, изысканно развлечь
и растянуться, улыбаясь безмятежно.

Как привлекательно всё это может быть!
Но необычно, странно, зыбко и, похоже,
оно наделено всем тем, чем хочешь наделить,
чем, разумеется, оно и быть не может.

НАША ЖИЗНЬ

О. Ш.

Мы жили странно: были пьяны без вина,
но не сжигало утром горькое похмелье.
Отчаянье сменялось на веселье
в том городе, где нас настигла мгла.

Мы жили дружно: драки не было всерьёз.
Мы утопили все свои печали
в бескрайнем море всех невыплаканных слёз,
несчастье и обиды забывали.

Мы жили нервно-бедно: как во сне,
я вижу каждый день, встающий спозаранку,
одетый в жалкий мех на рыбьей чешуе —
он выворачивался часто наизнанку.

Мы стали никому на целом свете не нужны,
нам вся вселенная — огромная чужбина.
И выше не было и нет заплаченной цены
за каплю жалости в эпоху карантина.

Мы все грешим, отчаянно грешим
и совершаем бесконечные ошибки.
Но, я надеюсь, нас хоть кто-нибудь простит,
благословит священной улыбкой.

ПРИЗРАК ЛОГИКИ

Гоняясь за призраком логики, скрытой ужасною тайной,
желая открытий, как манны небесной желали евреи,
иди на свиданье с улыбкой Джоконды блудливо-неясной —
увы, любопытство уже затянуло тебя в свою сеть
несомненно!

Я тоже ищу приключений на улицах тёмных и грязных,
но не потому, что сторонник бездарных, пустых
развлечений,
скорей, потому, что себя заставляю метаться напрасно,
как мечется мячик упругий от силы его столкновенья.

И только тогда, когда вдруг затихнет в покое
твое охлаждённое к нужному градусу белое тело,
наверно, не будет стремиться оно ни к чему бестолково.

Поскольку ещё не приплыли к такому пределу,
как рыбка, глотай эту жизнь каждый день, каждый час,
и по новой
беги и беги босоного по жизни безумной бесцельно.

ИТАК, ИТАКА

О, что там в хитроумии твоём?
Тебе семья и дом — давно пустое место,
да и тебя никто не помнит в нашем королевстве,
и без тебя мы здесь так хорошо живём!

Не появляйся лучше и не приходи!
Зачем нам портить добрый светлый праздник?
Ты славно веселился где-то всяко-разно,
ещё притащишь глупую заразу — лечи её потом,
о господи!

Прости-прощай! И с песнями — в музей!
И славой боевой, но бесполезной и ненужной
не похваляйся перед женщиной замужней,
ты здесь — никто, ты просто — Одиссей.

А здесь, в гостях, крутые пацаны —
не то что ты — бродяга и бездельник!
Их есть за что любить — за молодость, и денег
у них достаточно на наше всё — им нет цены!

Здесь телемаксов эльдорадный рай!
Аллах акбар, паршивая неверная собака!
Напрасно гредишь ты своей Итакой —
давай проваливай, и никогда не возвращайся
больше в этот край!

КОНЕЦ СВЕТА

М. Ц.

На берег пустынный волна набегают.
Здесь редко куда-то плывут пароходы.
Угрюмое место тоску навевает,
но не уникально оно в своём роде.

Сюда залететь — как на дно опуститься,
и больше не знать удивительных всплывтий.
Облупленных домиков стёртые лица
растеряны в мраке грядущих событий.

Вам не избежать катастрофы, как видно.
Всё ближе и ближе — и некуда деться
от гибельной участи неотвратимой,
когтями сжимающей слабое сердце.

Кому вы писали последние письма?
Кого призывали в безлунную полночь?
Напрасно ищу я в рассеянных листьях
забытых шагов утомлённую горечь.

Осеннее, серое давит сквозь крышу,
свинцовою тяжестью мозг наполняя.
Последнее слово никто не услышит,
но губы всё шепчут, строфу повторяя...

МАРИАНСКАЯ ВПАДИНА

Амбар переполнен. Тоска безутешна.
Уже ничего мне не нужно отныне.
На дно ухожу, в Марианскую вечность,
в последней молитве шепчу твоё имя.

Нет спущенных флагов на мачтах и шпилях.
Нет скорбных процессий у серых порталов.
Нет высохших комьев бесформенной глины.
Нет траурных лент, и никто не рыдает.

По-прежнему шумно в прокуренных залах,
где пьют, улыбаясь, весёлые вина,
где пляшут девчонки в бушующем гаме.

Торопится почерк, волной набегаая.
Кричи не кричи — всё равно не услышит
четырнадцать строчек, разбитых о скалы.

КОШКИ-МЫШКИ

Мышка с кошкой играла немножко.
Она думала, что кошка — мышка.
А кошка как будто смотрела в окошко,
она-то знала, что мышке — крышка.

Шустрила мышка на быстрых ножках,
под шкафом пряталась понарошку.
Она считала, что мышка — кошка.
Она ошибалась совсем немножко.

Совсем немножко... Ошиблась, крошка.
Набила шишек? Эх ты, глупышка!
Была игрушкой в руках мальчишки,
теперь напрасно трешь тушь ладошкой!

А «кошке» достаточно кликнуть «мышкой»,
чтобы закрыть любое «окошко».

НЕСЕРЬЁЗНОЕ

Писать вам серьёзно — совсем несерьёзно!
Здесь даже не сцена для фарсов, трагедий.
Но верят! Как дети! Как в Деда Мороза!
Как будто он скоро к вам в гости приедет!

Увы, дорогая! Я — не исключенье,
скрывает фантазии детская маска,
хотя понимаю я вас, сожалея,
что женская вера в любовь — это сказка,

рождённая принцами, золушкой, феей,
подарками в ярких обёртках блестящих
и шорохом платицев бальных, феерий,
в несбыточных чувствах к чему-то манящих...

На самом же деле, прелюдия к фуге
обычно мажорней минорного такта,
который затянет потуже подпругу
бессмысленной маленькой ручкой, вот так-то!

В ТАЙГУ

А. Б.

Письмецо отправляя с убогих болот
в ваши дебри лесные — тайгу серебристую,
где находится ваш лапидарный оплот,
вместе с кошками, близкими и неблизкими,
и далёкими вам — откровенными «ку-ка-ре-ку»,
скаменевшими в коме вагоно-тележками,
со своей стороны (тоже ведь не Баку!)
пробираюсь по снегу короткими перебежками.
Первый снег в этот раз — неожиданный пук,
выхлоп «доброй погоды», язви её в душу.
Старость как-то не греет кандидатов наук,
по нужде выходящих из склепа наружу.
Продолжается жизнь, несмотря ни на что,
несмотря, что всё «до» стало больше, чем «после»,
но, как рыба, хватая ушедшее ртом,
без воды надышаться не можешь на воздух.

ОСЕННИЕ СИМВОЛЫ

Е. О.

Осенние листья шуршат у меня под ногами,
льёт дождик сентябрьский свои морозящие слёзы,
и хочется верить во что-то, моя дорогая,
с надеждой мечтать, погружаясь в волшебные грёзы.

О, как мы порою беспечны, наивны и глупы!
Владея — теряем, а главное — не замечаем!
Обычные будни — жизнь крутится стрелкой
минутной,
и хочется счастья — но что это? Кто его знает...

Оставьте мне своды в сереющих ватных разводах,
течение вялой реки в дисфории свинцовой,
сырой полумрак, беспросветно тоскующий город —
ещё не затоплен мой Китеж навеки водою.

Рыдайте, оркестры! Уходит, как странник, эпоха!
Едва ли кто вспомнит, санскриты её разбирая!
Жизнь будет другой, — говорил мне один из Елоха,
и хочется жить — добежать до последнего края.

ПРОПАСТЬ

И. А.

Лечь, как в гроб, в твою любовь
и концы отдать от страсти?
Перспектива — ничего!
Всё, конечно, в божьей власти.

Уцелею? Может быть.
Но победы быть не может.
Вот оно — тебя любить!
Знаю я — себе дороже!

Лечь, как в гроб, в твою любовь!
Дай, невеста, саван белый!
Окропим снежок его —
и закончим этим дело?

Не закончилось! Ну что ж...
Но зато живым остался!
Помолясь, свечу зажжёшь.
Не пропал! Но как старался!

СЛАБОСТЬ

С. Б.

Без мистики, холодный, отстранённый,
уразумев, я вижу только боль и мрак.
Ликует мир с рассудком помутнённым,
а я испытываю неподдельный страх.

Через века рассеянных видений
ещё твой след заметен в памятных листах —
воздушный бред смешных стихотворений,
остывших в поцелуях светлых на губах.

И всё-таки, не веря в провиденье,
случайно я вошёл в незапертую дверь,
в проёме встав нелепым привиденьем,

её покой смущая жалкой тенью
того, кто был и не придёт уже теперь —
единственный, желанный и последний!

ПЛАЦЕБО ЛЮБВИ

И. А.

Избегая, как Гамлет, Офелий в своем Эльсиноре дурацком,
лыжи тихо острою, собираясь как будто на Северный полюс.
Лето медленно тает, напевая мотивчик осенний,
сентябрьский.
Олимпийское «ню» по-китайски вопит «всунь-им-всем»
во весь голос.

Нержавеющей стали изломаны копыта лысеющих принцев!
Если хочешь любви, то найдётся объект для пружины
матраса!
Одиночества дали — горизонты без края, равнодушные
лица —
то на круги свои возвращается ветер восточный
в лампадах.

Сожалея о сером, упавшем на гладь, отражённую в небо,
евхаристии след наблюдаю на архитектурных амвонах,
разумеется, первым с надеждой зову златокудрого Феба.

Голубеет просвет на глазах с колокольным малиновым
звоном —
евразийским манером приветствуя чьё-то начало
на белом!
Я — последний адепт, подносящий букет рододендронов
горных!

БЕССМЕРТНОЕ БРАТСТВО

О. Р.

Поэзия, милочка, жжёт, как огонь,
вползая змеёй в вашу душу,
вскрывает любую консервную бронь,
сажая правителей в лужу.

С наивным восторгом читая слова,
почувствуйте горечь надежды
и счастье того, кто всё это слагал,
задумываясь безмятежно.

Вершин не ищи — их не будет — вершин!
Вершина — лишь точка над морем.
Поэзия — тропка для гордых мужчин,
угрюмых в нелепости боя.

Пусть яростный стих разнесёт этот мир,
взрывая обыденность жизни,
безумной кометой летя сквозь эфир
галактики в холоде синей.

И нету начала, и нету конца
у слов, обращённых в пространство.
В поэзии нет ни отца, ни творца —
одно лишь бессмертное братство!

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Вы можете быть обаятельной,
и можете быть обольстительной,
а я наблюдаю внимательно
в спокойствии невыразительном
за вашими телодвижениями,
скользящими, струйными, дивными,
нацеленных на унижение
политика недалёковидного.

Он машет нелепыми лапами —
не ангел, но и не чудовище, —
поверженный вашею ласкою
с наивностью до беспомощности.
Он думает, что вы захвачены
вниманием к нему исключительно,
поэтому вы — обаятельны,
поэтому вы — обольстительны!

Он ходит за вами на привязи,
невидимой всем в неразрывности,
и шкура тигровая витязя
висит пиджаком для солидности.
Хоть вы не горите желанием,
но прячете скуку намеренно,
вовсю привлекая внимание
другого, совсем незаметного.

Счастливец и ведать не ведает,
стеснителен до невозможности!
Смущается взгляд перед девами,
краснеет от шуток и робости.
Нет сцены печальней без зрителя,
пресыщенной наблюдателями:
напрасно вы так обольстительны
и дьявольски обаятельны.

ФИОЛЕТНЕЕ

Ваше платьице в складочках фиолетовых морщится
на нежнейшей конструкции, тонкой, словно
тростиночка,
а мне вашим букетиком быть невысказанно хочется,
чтоб вы к сердцу прижали меня, сиротиночку.

Чтоб пропасть ненавязчиво в ваших ручек объятиях,
задохнуться от милости наслаждения райского,
я тону упоительно в бездне глаз ваших яростных,
как «Титаник» на встрече с громадою айсберга.

Я бы нырнул, как ниточка, вслед за вашей иголочкой,
вслед за вашей фигурочкой, как Мороз и Снегурочка
я бы ехал на саночках с новогодней ёлочкой
к ребятишкам на праздничек, улыбаясь, как чучело.

Разложил бы по полочкам в аккуратные стопочки
очевидные плюсики и не верил бы в минусы,
полюбил бы политиков, нажимающих кнопки,
и родню хоронить я не стал бы за плинтусом.

Безнадёжны мечтания — безусловно-нелепые,
в недоступности высятся, как тоска Джомолунгмова,
но гоню Росинанта я на седле табуретовом,
продираясь, как Маугли, через заросли джунгли!

КУКЛЫ

И. А.

Мальвина не любила Буратино
и говорила про него надменно:
Ну, дерево — и дерево! Как видно,
не нравился он леди совершенно.

А Буратино не любил Мальвину
и обзывал Мальвину глупой тряпкой,
зелёнкой мазал волосы змеино
с улыбкой до ушей — безмерно гадкой.

Один Пьеро ходил, стихами мутно грезя,
страда и белея, словно парус, —
несчастный и забытый сгазу,
неволью вызывавший жалость!

О да, его Мальвина тоже не любила,
предпочитая Карабаса-Барабаса,
поскольку в бороде скрывалась сила
и притяжение лязгающей кассы.

ВОСХИЩЕНИЕ ГОВОЙНОЙ НАСТРОЙКОЙ

А. Д.

Предложил бы настроиться — но, увы — не могу,
представляя гобойное нечто в ночной тишине
вместе с лекцией по настройке на новой волне —
heavy metal стучит в экстазе в моём мозгу.

Восхищения требовать? Да зачем? Не хочу:
интонации «ля» в наше время сошли на «соль»,
потому что до-ста-точно входит под сердце боль,
а диез — только прутья клетки, и я — молчу.

Хорошо, что есть ещё девушка, там, в темноте.
Вероятно, радует чью-то душу и гордый взор.
Вот поэтому жизнь — не отстой и сплошной минор,
и печальный blues станет reggae в моей мечте.

Преимущество белых (их — семь, ну а чёрных — пять!)
позволяет надеяться, что еще не триндец.
Мне настроит гитару «на глаз» друг — Гомер-слепец,
и я буду до смерти свой rock'n'roll играть.

ИСТОРИЯ УБОРЩИЦЫ

Э. Б.

Я — простая уборщица в школе,
цельный день пыль мету по углам.
А мужик мой — монтёр Анатолий,
ремонтирует офисный хлам.
Он — хороший и в общем-то добрый.
Пьёт, конечно. Всего-то делов!
Но сама подложила я бомбу
в тонкой книжечке с сотней стихов.
Он сперва не заметил бы вроде,
но вот как-то открыл — и застрял!
И теперь каждую ночь он на взводе
с этой книжкой, а пить — перестал!
Всё про нежную ночь он читает,
про любовь и какую-то муть,
и вздыхает не переставая,
мне никак не давая заснуть.
По утрам что-то тихое шепчет,
говорит мне: Мой ангел, как вы?
Лучше пил бы, как Колька из третьей!
Или б в глаз мне слегка замочил!
С поэтессой он мне изменяет!
Я же вижу его, как рентген!
Даже если цветы мне вручает,
он, наверно, мечтает об ней!
Я — увы, не Ахматова Анна,
не Цветаева и не Сафо,
и в стихах-то я — не Копенгаген...
А напишу-ка роман, как Толстой!

НЕВИННОСТЬ

О, как изысканна и прекрасна лилия тихих вод!
Даже дотронуться — и то боюсь.
Сорвёшь — а на завтра она умрёт.
Странно, неужели к этому я стремлюсь?

Восхищаюсь нежными голосами вольных
лесных птиц!
Щелкопёру жёлтому — не дано.
Не лови настойчиво взмах ресниц.
Это — клеточка! Знаешь, она для кого?

И пока живёт в моей душе любовь,
как нервная стайка рыбок в волнении,
пережигая горькую чёрную кровь.

Но как тянет меня искушение!
Ошибусь! Ну и что? Разум — не прекословь,
не хочу слушать твои возражения!

ВИНО КАК ЛЮБОВЬ

В. К.

Моя любовь — весёлое вино!
Чем больше — тем приятней ощущения!
Какое? Не имеет то значенья,
храните только правильно его!
Бедро сосуда глажу, не стыжусь!
За эти ласки не дают по роже!
И от сосуда холодок по коже
бежит, не увеличивая грусть.
Ну всё, пора! А то не унести —
любовь к вину, увы, не беспредельна!
Печаль моя светла! И в самом деле,
зачем моей любви дурацкое «прости»?

ОДНОЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЩИНЕ

В. З.

Чтобы забыться на вашем плече,
скинув стыдливые чувства,
нужно вернуться, но как и на чём
можно обратно вернуться?

Не разбирая, кто прав, кто неправ —
жизни стремительной поезд
нас зафутболит пылиться под шкаф,
в льдины на Северный полюс!

Но даже там, среди белых могил,
я запою во весь голос:
Женщины — есть! И я их — любил!
И поклонюсь им по пояс!

С УЛЫБКОЙ НА УСТАХ

О. Ш.

Ты вышла на вокзал в июньский мелкий дождик.
Я понял, что пропал, упав в твои глаза,
и в голубую даль унес зелёный поезд
всего сто тысяч лет тому назад.

Страдая и любя, не зная расстояний,
твоя любовь меня хранит, как талисман.
И благодарен я, в безверьи догорая,
за то, что это свыше дано нам.

Сжигая корабли, подобно тем ахейцам,
которым никогда не встретить вновь невест,
с улыбкой на устах и с болью сладкой в сердце
любовь через толпу несёт свой крест.

ОБИДА

Почему ты не смотришь мне прямо в глаза
и за пазухой держишь обиду?
Неужели нельзя откровенно сказать,
в чём меня укоряешь постыдным?

А мамаша твоя приползла, как змея,
всё в буфете гремела посудой,
и ворчала, как трактор, склоняя меня,
называя продажным иудой.

Ты не верь разговорам пустым обо мне
и старухам на лавочках грязных.
Мой дружок Анатолий — приличный вполне,
выпивает маленько, но в праздник.

На окошках цветочки завяли у нас,
в банке сдохли весёлые рыбки.
Ну, подумаешь, встретился с Светкою раз —
вечерком проводил до калитки.

У станка я всегда по две нормы даю
и висю на доске в рамке синей.
Я тебя, дорогая, безумно люблю,
и надеюсь, что это взаимно.

МАДРИГАЛ

О, дорогая, я люблю вас так, что плачу,
но слёз моих не видно ни одной — ни капельки.
Я сожалею, что любовь моя для вас так мало значит,
она нужна вам — словно летом валенки.

Когда вы входите походкой мягкой, кошечкой,
теряюсь непременно, чушь несу волшебной-
несусветную,
смеюсь не к месту, удивительно беспомощен,
свои потуги понимая безответные.

От ваших рук исходит электричество дрожащее —
и мой темнеет взгляд, и сухость в горле — жуткая!
Вы улыбаетесь легко, а я тушу с трудом пожарище —
казалось бы — с чего беситься над невинной шуткою?

Что я могу поделывать? И куда направиться?
В какие дебри удалиться кругосветные?
О, дорогая, я люблю вас — мне не справиться,
не выбраться, не свидеться, не встретиться...

ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬДОГ

Ах, как любит меня черноглазый бульдог!
Вряд ли любят меня так холодные леди!
Он готов облизать с головы и до ног
и от счастья порвать мои джинсы последние.

Я ему по-французски скажу: C'est la vie!
Он по-русски в ответ ничего мне не скажет.
Как старик, астматически шумно хрипит
или спит возле ног, как солдат после марша.

Может, всё-таки где-то найдется одна —
пусть не будет такой безобразно красивой,
но полюбит любовью бульдога она
и от страсти порвёт на куски и меня изнасирует!

ДВА ПОЛЮСА

Был занудливым. Педант.
Убеждая — пучеглазил,
будто в мозг с ножовкой лазил,
отрезая всё подряд.

А она — дитя-дитём!
Ей — что в лоб, что по лбу было!
И за что его любила,
что-то находила в нём?

Веселилась — как могла:
что-то как-то вышивала,
песенки, звеня цимбалой,
пела, где сгущалась мгла.

Он возвел такой забор —
выше, чем стена Рупала!
Только вдруг стена упала,
завалив отроги гор.

Но когда она ушла,
у него сорвало крышу:
пишел-мышел — Ванька вышел!
Кровь — рекой! Какой кошмар!

ЗАГАДКА

Сейчас сижу в кафе, смотрю на мавзолей,
пишу галиматью для женщины далёкой —
столица — хороша, но всё же без друзей
в толпе китайцев и французов как-то одиноко.

Нет в космосе проблем — проблемы у людей.
И даже есть у тех, кто к космосу привязан.
Хотя, казалось бы, что в космосе тебе?
Возможно, мысль о нем действительно заразна!

Виденья странные приходят по ночам,
раздваивая суть зеркальным отраженьем.
Куда несёт меня? Я ничего не знаю сам,
но не сопротивляюсь я бесцельному теченью.

Мой взгляд скользит, не трогая тебя —
по ложкам, чашкам, вилкам, официанткам,
звезде кремлёвской, в небо уходя —
как будто там ответ моей загадки...

КОСМИЧЕСКИЕ БРЕДНИ

Вы, милая моя, такое чудо!
Вас не любить не мог бы даже дьявол!
Но не считайте вы меня паскудой,
я — положительно во всём хороший дядя.

Я пробираюсь к вам сквозь тернии, как
к звёздочке!
Я предлагаю, как Гагарин, вам: «Поехали,
легко разведем вашу грусть и выпьем водочки!»
Но вы мгновенно ошетинились доспехами...

Ну неужели трудно вам собраться?
Чем так прельщает вас уродский офис?
Деньгами? Не смешите меня, братцы!
Да заплачу я — и за водку, и за кофе!

Ведь я пока что, дорогая, не на пенсии!
И пусть мне платят как научному сотруднику,
но я куплю для вас волшебные гортензии,
и буду, как Луна, всю ночь светиться — спутником.

ЗОЛУШКА

С. Б.

Тарелки и блюда, горшки и кастрюли —
мне так надоело в грязи ковыряться!
И мачеха — ведьма! И сёстры — грязнули!
Поддай! Принеси! Убери! Постарайся!
Мечтала наивно о танцах, о принцах,
о нежной любви и о счастье семейном...
И надо же было такому случиться,
что всё совершилось! Почти что мгновенно!
Мне добрая фея сварганила платье,
карету — из тыквы, прислугу — из мышек.
И вот уже я — на балу! Я — в объятьях
прекрасного принца вздыхаю неслышно!
И свадьбу сыграли — как песню пропели!
И всё королевство гудело — как улей!
И в Ницце гуляли! Четыре недели!
Жаль, время летело стремительной пулей...
Вернулись... Живу во дворце. Снова — кухня!
Детишки пошли — как грибы. Но — поганки!
Король с королевой — две черные мухи —
мне мозг прожужжали, что я — интриганка!
У принца так много кастрюль, сковородок!
Прожорливый парень — как сотня узбеков!
И дети его — все из той же породы:
они не считают меня человеком!
Тарелки и блюда, горшки и кастрюли —
за каждое пятнышко снова в ответе!
Я вышла за принца? Меня обманули!
Зачем потеряла туфлю на паркете...

ПРОЩАЙ, ЛЕТО!

Ю. А.

Давай похороним прекрасное, тёплое где-то там лето!
Давай зарыдаем по этому поводу вместе с дождём!
Со знаменем красным пройдем, голося октябрём
по проспектам!
Прощай, дорогое моё! Наливай по сто грамм — помянём!

А ты не готова: и в сумке — ни рюмки, ни водки, ни булки.
Сплошная помада и в гробике тушь гуталинно лежит.
О, горе мне! Мне — отвратительно больно и прям-таки
жутко,
и ветер сырой пробирает насквозь — до кишок, паразит!

Тебе — хорошо: на меху твоя мягкая финская шубка,
и шарфик мохерово греет — как печка, и тёплый платок.
Я плачу — без слёз. И в груди — ни единого стука, ни звука.
Я — листик на паперти жизни, летящий во тьме на восток

в бессмысленность «раши» — в нелепость, в её азиатскую
дикость,
в колючие мрачные дебри, в бездарность пещерных
персон...

По каждой трубе водосточной стекает бурлящая жидкость,
и невозмутимо узбек поливает из шланга газон...

ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ, ДЕВУШКА!

Ты вошла, словно радость открытых гробов,
с хэлоуиново-жуткой — от уха до уха — улыбкой.
Вероятно, я к этому был не готов:
Ну какая любовь? Роковая ошибка!

Да... Та ночка была, словно тридцать седьмой,
в мягких тапочках на босу ногу.
Я метнулся в окно — как последний герой,
но какой же я, к чёрту, герой, ради бога!

Я лежал, зеленея лицом-огурцом,
как закат вождёленной купюры.
Неужели я стал в те секунды отцом?
Что же нужно ещё этой долбанной дуре?

А она причепурилась, заголена —
выставляла коленки бесстыдно.
Подсчитал — получается срок, но она
девять месяцев ждала — вот тётка-ехидна!

Что ж? Теперь — целовать её в желтую плешь,
утирать её слёзы платочком,
пригорюнясь, сжигать отвратительный трэш,
разгребая углы всех канав водосточных...

ПОГРЕМУШКА

И. А.

Этот запах волос, как тугая петля,
стянет горло твоё, что дышать невозможно.
«До свиданья, матрос! Я уже не твоя!» —
попрощалась змеёй, сбросив старую кожу.

Есть у каждой змеи погремушка в хвосте —
след напрасных страстей, костенеющих в шкурке,
но чем громче гремит коробок новостей,
тем боятся сильнее и пугаются жутко.

И бегут кто куда от смертельной любви
в обывательский рай под кисейные юбки,
чтобы снова предать, и всегда ядовит
поцелуйный лишай на губах у Иуды.

Красный флаг на рейхстаг поднимает любовь,
пленным — «Гитлер, капут!» — повторять
с грусть-тоскою.

Твой единственный враг проиграл этот бой,
да и ты, хоть и крут, но не выиграл боя!

СОЛЯНОЙ СТОЛБ

Как мило! Нам — в одной могиле
на навсегда.
Твоя нескошенная сила.
Моя — вода.

Ты ничего не попросила,
а я — не дал.
Ты разыскала Палестину —
и пуст вокзал.

Инцест не надоест в объятьях
чужих невест.
На простыни, белея в платье,
лежал твой — крест.

И что же дальше, ангел падший?
Куда — теперь?
Беги скорей к сестрице нашей —
рыча, как зверь.

Я был немного настоящим
в безлюдье тем —
заколотил гвоздями ящик
и тьму проблем.

Ни капельки уже не страшно —
не пью, не ем.
Я — соляным столбом вчерашним —
как рыба нем...

**САРЫНЬ,
НА КИЧКУ!**

И. М.

Судьба прижималась кошкой
с когтями острее стали.
Мы гладили шёрстку ладошкой
и о когтях не знали.

Чирикали воробьишки,
скакали — как на пружинке,
обстрипывали делишки —
всё в гнёздышко для малышки.

Судьба же ловила ловко
в расслабленности упругой —
вмиг свёрнута вбок головка,
и перья — на всю округу.

Но снова щебечут птички,
и ручки ласкают шёрстку...
Сарынь, — я зову, — на кичку!
Но кички уже так жёстки!

СЧАСТЬЕ

А. А.

Печально, моя дорогая! До сказок, до неба, до рая —
ни тропок, ни трактов, ни рельсов, ни взлётных
бетонных полос!

Мы так одиноки, что спятишь, себе иногда представляя
кораблик с названием «Счастье», стоящий в тоске
у причала,
в тумане белея санчастью — заботливо, словно Христос.

Под пулю? Под трактор? В бутылку? Смотрю без эмоции
пылкой —
разбитая жизнью копилка пуста, как колхозный амбар.
Но не покидает ухмылка мой рот искривленный Ордынкой,
поскольку коммерции жилка противная русскому шибко —
во мне нет «продажной» пружинки — говно выдавать
за товар.

Для вас, Первомай навевая, кроваво закат догорает,
и в Красное море вползает яичницы жёлтый зрачок.
Шезлонгов откинутых стая в песке засыхает, страдая,
и берег пустынного края с египетской силой достанет,
как с гравием грузовая автобус, спешащий в Подольск.

ВЕРБЛЮДИК

Ваши ручки — такие маленькие!
Ваши ножки — такие тоненькие!
Я кажусь вам сибирским валенком
и потомственным алкоголиком.

Неожиданный — как препятствие
и навязчивый — словно лямблия,
говорю я вам: Милая! Здравствуйте!
Вы ж в ответ грубо: Нет! До свидания!

Отчего ж вы глядите искоса?
Что плохого в моём приветствии?
Как на полюсе — только минусы?
Чем испугана ваша девственность?

Я — создание несерьёзное,
спамофильтры — всегда отключены.
Нет причины мне строить козни вам,
я желаю вам — только лучшего.

Ваши ручки — такие мягенькие!
Ваши ножки — такие худенькие!
Может, выпьем пивка — по маленькой,
и прокатимся на верблюдице?

ОБРАТНО

Ты, как преступник, возвращаешься обратно,
но дело сделано — и ходу нет назад,
и, даже если не особенно приятно,
пьёшь в одиночестве невозвращения яд.

Та женщина была до ужаса нелепа,
но поцелуй её остался на губах
с тем странным вкусом расшалившегося лета
и с той печалью — как заноза — навсегда.

Другие листья шелестят на ветках тихо.
Другие люди, и у них другая жизнь.
Но как дурдом не может обойтись без психов,
так ты без этого не можешь обойтись.

Как улицы пусты безлунной белой ночью —
провинциальный сон! Случайные такси
стремглав несутся, громыкая, через площадь...
О, жизнь моя — дурдом! Но кто, скажите, псих?

ДУЭЛЬ

Ваш пистолет не дал осечки,
но выстрелил, конечно, мимо —
вмиг набежали человечки
закапывать мою могилу.

И опьянённые победой,
кидали бодро комья глины,
под суетой скрывая бледность
невыразимого бессилья.

Вот трамбанули быстро холмик
и, торопясь, пошли к машинам.
Потом ползли к дороге долго,
колёсами меня трясину.

И, выехав уже на трассу,
с довольным вздохом облегченья:
Ну, слава богу, отстрелялись!
Как будто кончились мученья!

А я стоял в дверях подъезда,
кура и улыбаясь глупо...
И краска на машине слезла
лохмотьями — как струпья с трупа.

СЕВЕРНАЯ КОРОЛЕВА

М. Ш.

Я бы лёг к вам на снег, что белей простыней,
и замёрз бы, как Кай, превращаясь в ледышку.
Не спеши, моя Герда, напрасно ко мне —
я уже не хочу быть весёлым мальчишкой.

Я уже не хочу восхищаться весной,
собирая цветы на лугах для любимой,
я — далёк от того. Бесконечный покой
в моё сердце проник обмороженно льдиной.

Я бесстрастен в безмолвии северных стен —
мне не нужен никто в одиночестве мысли.
Ничего не прошу: всё — пустое и тлен —
безобразно по сути, бесполезно по смыслу.

Я вошёл в этот холод безжизненных глаз,
в неподвижность зрачков, устремлённых
в пространство,
в гармонически строгую логики связь,
безупречно печальной, как крест христианский.

Я не верю в любовь. Я не верю в добро.
Сердце больше не бьётся в груди глупой птицей.
Только лёд — как стекло, только снег — серебро
так кристально чисты, что легко удивиться.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Попасть на остров. В одиночество одно.
Заняться делом. Привести в порядок мысли.
Лень-матушку свою пустить на дно,
и дни считать, как калькулятор числа...
до пятницы.

А в пятницу спуститься в тёмный трюм,
где в шумном шмоне пропивают души
и феромонами отравленный парфюм
всех призывает к обладанию подружек...
до понедельника.

Но в воскресенье утром, выйдя на крыльцо,
взгляд в бесконечность неба выражает слабость,
упавшую в опухшее лицо
не ангела, но что ещё осталось...
от него.

ЭХ, ВАСЯ!

От тела женского сердцебиение
моё ускорено до невозможности,
сообразительность на башне бдения
спит без понятия об осторожности.

Где разум, даденный отцом и матерью?
Где ясность знания и рассуждения?
Раз простынь белая нарядной скатертью
легла как облачко на синь весеннюю!

Раз ночка чёрная пожаром яростным
сожгла безжалостно путь отступления,
не возвращаюсь я, белея парусом,
на берег брошенный без сожаления!

ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ

Э. Б.

Один мой друг с моей женой ушёл,
другой мой друг — разбил мою машину,
а третий друг — «майданутый» хохол —
зачем-то шины жжёт на Украине.

Такая проза жизни, чёрт возьми!
Что за друзья? Куда от них деваться?
А напишу-ка повесть я о них
и назову — «Мои друзья-засранцы»!

Всё опишу: как пили вчетвером,
как девушек до дому провожали,
как мучал кризис — возраста облом,
свалившийся как куча с самосвала.

Я что-то рвал и помогал как мог
своим друзьям-приятелям бесценным.
Мужская дружба — это как бы бог,
которому мы молимся блаженно.

Нет вечного, как видно, под луной:
друзья меняются, становятся другими
и предают какой-нибудь весной,
с твоей женой гуляя в выходные.

И ничего я не могу понять:
ушла жена, раздолбана машина.
Последний друг остался у меня —
и тот совсем рехнулся в Украине.

МУЗАМ

Я ждал под вечер музу. Вот они пришли —
их было две — в хлам пьяны и распутны.
Кричали что-то громко. Знаешь ли,
я заплатил за их такси как будто.

Я был спокоен, как советский танк,
направленный в Берлин в начале мая,
но только думал, как случилось так?
Чего-то, видно, я не понимаю.

Одна из них полезла сразу в душ.
Мне кажется, ей было просто душно.
Вторую мучила немыслимая сушь —
я наливал ей виски простодушно.

Соседи били в стенки кулаком,
не попадая в «smoke on the water»,
иллюминатором в ночи светился дом
от песни муз про рокот звездолета.

И снилась мне зелёная трава,
и зайцы на косилках и комбайнах,
по швам трещала хиросимная кровать,
наураганенная близостью dead line'a.

Под утро эта парочка ушла,
оставив шпильки и помады тюбик.
Как колокол, гудела голова...
Поэзия — не фунт изюму, люди!

ЛУНА

Г. К.

Твоя кошечка любит, возможно, троллейбус,
а моя псина — исключительно только других собак,
и поэтому однозначность мужчины, как Феникс-пенис,
в одиночестве гордом не знает тлетворных «Ах!».

В женском платье так много смешного, излишеств —
чтобы скрыть в расхождении стройных ног
раскалённый зной,
и в восторге прыгают от их высочеств и их величеств,
получая в ответ «Шёл бы, милый!» и «Чёрт с тобой!».

У любви, как водится, на виду приметы,
словно в кошмаре лета шуришь от солнца напрасно глаз.
Каюсь, грешен — и я этим делом ловко в иголку вдетый,
безнадёжно болен хронически, как и сейчас.

Не ишу давно дыру в потайном кармане:
потерялась вся мелочь — да и зачем мне теперь она?
Клеопатра мне дарит ночь! И я тороплюсь на свиданье,
и блестит для меня на небе медаль — луна!

О БЕЗГОЛОВОЙ МРАМОРНОЙ СТАТУЕ, СТОЯЩЕЙ У ПРУДА

Я — статуя у грязного пруда.
Стою давно среди колонн замшелых,
так глупо выставляя своё тело,
что самому противно иногда.

Мне оторвали бошку! Без башки
мне кажется, что я уже не вижу,
и даже больше вам скажу — не слышу,
что говорят все эти дураки.

Но чем же думаю? И думаю ли я —
с одной рукой, у палки, в голом виде?
Наверное, любой бы смог обидеть,

ведь нет защиты больше у меня —
оградочка с натянутою нитью...
Повеситься? Но как? О, где башка моя?

ГОРОД

Н. Ш.

Этот город не злой, но провинция — зла,
гордо пыжится щит свой прибить на ворота,
и, естественно, город пошлет её «на»,
не по злобе своей, заведясь с оборота.

Итальянцы старались здесь камень сложить,
и на Рим получилось довольно похоже.
Правда, северный стиль и суровая жизнь
коррективы внесла серым кремом на кожу.

Вот селёдочку бабушка тащит к себе —
есть котяра на кухне, да и бабушка любит.
Попроси у неё рассказать о судьбе —
и, верняк, поразишься трагичности судеб.

Под глазами лежит тень спокойной воды,
что не вытравить самым весёлым загаром,
потому что без Питера нету судьбы,
если времени не обесточен угаром.

Здесь, конечно, не запад, и больше — восток,
ну а если бежишь, как узбек безотчизный,
значит, слаб оказался — валяй, старичок,
значит, мало что понял на празднике жизни.

Как везде — есть дерьмо — пусть плывет по Неве,
даже если она не впадает в Неглинку —
время всё унесет. День за днём на игле
крутит ангел на небе сырую пластинку.

БЕДНЫЙ КЛОУН

Л. Ю.

Зачем обманывать себя —
тем более, что не обманешь!
Не спрячешь правды — как змея,
та Роксолана в Сулеймане.
И я не думаю, что я
за чёрными очками скроюсь:
кругом достаточно жулья —
легко заткнут меня за пояс.
Стою с протянутой рукой,
немой, у вашего подножья,
а вы смеётесь надо мной,
зовёте ваше счастье — ложью...
Как плачет бедный клоун мой,
что не смеяться он не может!

ПЯТНИЦА

И. С.

Как хочется нежности, моя дорогая! Как хочется нежности!
Но мир меркантилен, безжалостен, холоден, будничен!
Скользишь по отрогам-оврагам, у края отчаянной бедности,
весь в мыслях дождливых, безрадостных, чёрною тучею.

Что ждёт нас, несчастных? Куда нас затащит нелёгкая?
Цыганка, раскинь мне картишки на счастье далёкое —
по тракту помчимся в пролётке, подруга моя ясноокая,
последние в мире — наивные и одинокие.

Что сделаешь — видно, судьба наша с привкусом горечи.
Трень-брень балалаечка в такт бубенцам-колокольчикам —
поехали, милая... Не макаревичи, не растроповичи,
но пусть в эту пятницу жизнь подмигнёт робинзончикам!

ЗАПИШИТЕ В ДОЖДИК!

К. Л.

Запишите в тёплый дождик — изласкаю ваше тело
лебедино, белокрыло мягким бархатным пером!
Бриллиантовых серёжек пусть надарит вам Отелло,
черномордно улыбаясь, «Беломор» курия при том.

Я ж не негр из знойных африк, из америк и австралий,
я далёк вниманья денег — кошелек всегда пустой!
Запишите в летний дождик — я шепчу вам гениально,
обнимая театрально и при этом — холостой!

Я порву в надрыве струны, я навру на сто тележек,
я утру любые слёзы из промокших ваших глаз!
Вы поверите, как Богу, как артисту на манеже:
только Шорников Серёга вечно любит только вас!

Вы развеситесь от клюквы — кислой ягоды болотной,
возбуждающей веселье, как шампанского бокал,
потому что в темя клюнет мысль, плывущая по водам
с белым парусом постельным, страстных нег
хмельной накал!

Отдохнёте после смерти! Пусть в котёл кипящий черти
бросят вместе тела белы, словно в брачную кровать!
Но пока денёчки эти солнышком дурацким светят,
я не буду оробело, как моряк, погоды ждать!

СЕРАЯ ТЕНЬ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

Ни ты, ни я — не дети, что невинны,
и не наивны так, чтоб нам в любовь играть.
Пути-дороги наши коротки ли, длинные:
как бы то ни было — им не сойтись опять.

Как колобки, мы катимся по свету
и песенки поём, оттягивая смерть.
Чему бывать — того не миновать! К ответу
не призовут ни волк, ни заяц, ни медведь.

Ещё разок спой песню мне, голубчик,
и удиви ещё разок своей весной!
О, да — ты можешь разогнать любые тучи!
О, да — любые тучи! Жаль, не надо мной!

Прощай, мой друг! О, как невыносимо
жить, никого на целом свете не любя!
Тень на стене, как после вспышки в Хиросиме, —
буквально всё, что мне осталось от тебя.

ЛЕДЯНОЕ

Мы оба одинаково холодные, как лёд.
Но, впрочем, льды с различных полюсов.
Сближение льдов мало, и не произойдёт
желанной встречи на известном месте у часов.

В тебе нет той болезненной потребности во мне,
что наполняет счастьем каждый день.
Ты, безусловно, снисходительна вполне,
поскольку связи нить тонка — ей не знакома тень.

Чем это кончится, не начинаясь никогда?
Вопрос как гвоздь — повесь на нём ответ.
А жизнь, струясь, течёт по капельке туда,
откуда, впрочем, выхода по-видимому нет.

МОЛЧАНИЕ

Не знающим любви, ни ласки, ни тепла,
таящимся в пыли бесчисленных ошибок
печально посвящаю откровенный хлам
всех извращённых слов — паралимпийских рыбок!

Вы жалуетесь мне, молчащему в ночи,
бесстыдно обнажив во тьме шуршащий полог,
и ваша жалоба бессмысленно кричит —
к ней равнодушен весь вечноблокадный город.

К ней равнодушно всё — от кончиков ногтей,
вцепившихся, как клещ, в ограду парапета,
до кончиков волос запутанных страстей,
разбуженных весной до окончания лета.

Бесстрастно, словно сфинкс, смотрю уныло вдаль
на дрожь свинцовых волн и рой кричащих чаек.
Создатель был неправ. Ему, наверно, жаль,
что так произошло — нелепо и случайно.

И, подводя итог, не буду осуждать
ни тех и ни других — ни глупых и ни умных.
Мне некуда спешить и не к кому бежать,
везде оно одно — дно погребальной урны.

МУЗЫКА СФЕР

О, музыка несчастных вечных сфер!
Печальная гармония звучит в моей душе.
Мне грустно потому, что выхода здесь нет,
являя горькой ситуации пример.

Бесценные слова обращены в ничто.
Сочувствия искать на жизненных волнах не стоит
никому.

Кричу от боли я, но крик летит во тьму,
в космическую высь, в застывший холод — лёд.

Зачем зовут меня священные слова?
Чей дальний голос произносит их? И какова их
цель?

Чья добрая рука качает колыбель?
Приходят звуки сфер — играй, ночной орган!

Играй! Пусть звуки льются! Пусть несут меня!
В далёкое туда, где берег и вода, деревья и песок,
где было счастье — в тех следах волшебных ног,
что лёгкий ветерок развеивал скользя.

О, если б знать! Но кажется, что знал...
Недвижим горизонт лежит далёкой полосой,
и облаков гряда несётся надо мной —
забвенья моего тоскующий причал.

ПРОГРАММА

Апоплексически верно
вбивая слова, как гвозди,
страдая волнением нервным,
сквозь слёзы смотреть на звёзды
в холодном оцепенении,
не зная, что будет дальше,
надеясь «до последних»,
не допуская фальши,
и слышать биение жизни,
и чувствовать смерть всей кожей,
плевать на безумие сильных
и бить подлеца по роже.
Страдая фигнёю и ленью,
с кровавой мозолью на сердце,
натёртой мечтою нетленной
бродяги и отщепенца,
слова отправляя клином
в полёт к берегам далёким,
в бессмертии быть великим,
и слабым, и одиноким.
Молчать в многолюдии улиц
и громко кричать в пустыне —
как может кричать безумец,
её выкликая имя.
Жить великолепной секундой,
скоропостижно мгновенной,
и знать, что не будет «как будто»,
и умереть, к сожаленью.

ВОЗЬМИ

Возьми моё сердце
с собой в свою даль,
куда ты помчишься
за призрачной долей.
Его ты отбросишь,
я знаю, а жаль!
Что ж, доля — важней,
а в сердце — нет пользы!

Мне сердца — не жаль!
Их во мне — сто пятьсот
подаренных мне
дорогущих сердечек,
поэтому я
не жалею своё
и щедро делюсь
им с тобой,
человечек!

СОДЕРЖАНИЕ

Пластмассовый меч.	3	Одинокaя звезда	37
Не умею любить!	4	Романтизма мало!	38
Что нужно сделать?	5	Фантик	39
Беспредельное.	6	Второе пришествие.	40
Эльвира.	7	Кофе с Элей	41
На огонёк	8	Любитель женщин	42
Маленькая партия для альта .	9	Развод с карандашом.	43
Ты так хочешь любви?	10	Осеннее.	44
Облоченное	11	На вокзале	45
Горсточка лучиков	12	Маргарита	46
Не хочется кьянти и мартини.	14	Без солнца	47
Грехопадение	15	Оно	48
Подколотная змея	16	Наша жизнь	49
Лесбиянка	17	Призрак логики	50
Доктор	18	Итак, Итака	51
Лебединое	19	Конец света	52
Это — Питер дорогая!	20	Марианская впадина	53
Одиночество	21	Кошки-мышки.	54
Проходимец	22	Несерьёзное	55
Снег.	23	В тайгу	56
Зал ожидания	24	Осенние символы.	57
Одно словечко.	25	Пропать	58
Бросила жена	26	Слабость	59
Мотылёк	27	Плацебо любви	60
Возможно	28	Бессмертное братство	61
Сейчас	29	Наблюдатель.	62
День Валентина	30	Фиолетное	64
Я хотел бы быть женщиной .	31	Куклы	65
Небо в колодцах дворов . . .	32	Восхищение гобойной настройкой	66
Сходим с ума	33	История уборщицы.	67
В аллеях	34	Невинность	68
Праздник в городе	35	Вино как любовь	69
Хранитель музея	36		

Одной дорогой женщине . . .	70	Северная королева	88
С улыбкой на устах	71	Воскресенье	89
Обида	72	Эх, Вася!	90
Мадригал	73	Последний друг	91
Французский бульдог	74	Музам	92
Два полюса	75	Луна	93
Загадка	76	О безголовой мраморной статуе, стоящей у пруда . .	94
Космические бредни	77	Город	95
Золушка	78	Бедный клоун	96
Прощай, лето!	79	Пятница	97
Вот и встретились, девушка! .	80	Запишите в дождик!	98
Погремушка	81	Серая тень на белой стене . .	99
Соляной столб	82	Ледяное	100
Сарынь, на кичку!	83	Молчание	101
Счастье	84	Музыка сфер	102
Верблюдик	85	Программа	103
Обратно	86	Возьми	104
Дуэль	87		

Литературно-
художественное издание

Лабытнанги
БЕЛЫЙ АЛЬБОМ

Верстальщик *Н. А. Вознесенский*
Корректор *С. К. Бабинская*

Подписано в печать 18.11.16. Формат
125 × 200 мм. Тираж 100 экз. Ори-
гинал-макет подготовлен в ООО
«Издательский дом „Коло“». 197198,
Санкт-Петербург, пр. Добролюбова,
д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru.
Отпечатано в ООО «Инжиниринг
Сервис». 190020, Санкт-Петербург,
ул. Циолковского, д. 13–15, лит. Д,
пом. 22, 23н. www.ingservi-print.ru

9 785446 200825 >

